

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ РАЗНОВИДНОСТЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Л. Н. Прудников

Изучение сложного предложения представляет большой научный интерес. Соединение его частей обусловливает новое качество, природа которого познана не полностью.

Одним из видов сложного предложения являются сложноподчиненные предложения с последовательным (многостепенным) подчинением, т. е. предложения, в которых от главной части зависит подчиненная часть, от которой в свою очередь зависит другая подчиненная часть и т. д. Такие предложения широко распространены в современном английском языке. Они ставят перед исследователем проблемы, которые на уровне предложений с подчинением первой степени даже не могут возникнуть. Их анализ представляет интерес для построения общей теории синтаксиса, касается ряда проблем теоретического и практического характера, не получивших развернутого освещения в научной литературе.

В результате того, что язык используется в разных областях с разным целевым назначением, в языковой системе образуются ответвления, имеющие при общности подавляющего большинства языковых средств известные языковые различия, обладающие некоторыми специфическими средствами, присущими только им или употребляемыми по преимуществу в этих ответвлениях — стилях речи или функциональных стилях.

Вопрос о стилях речи, в особенности об их синтаксической характеристике, мало разработан.

Большинство авторов выделяют такие стили: стиль научной речи, публицистики, стиль художественной литературы и разговорной речи. В современных языках разные речевые стили находятся в тесном взаимодействии, частично проникая один в другой. Понятие стиля художественной литературы как одного из функциональных стилей языка следует отличать от индивидуально-художественного стиля как совокупности признаков, характеризующих творчество писателя.

В опубликованных исследованиях по стилистике синтаксису уделяется немного внимания; на проблеме использования сложных предложений с последовательным подчинением в различных функциональных стилях не останавливается никто.

В настоящей статье мы остановимся на анализе сложных предложений с последовательным подчинением в трех функциональных стилях: художественной литературы, газетно-публицистическом и научном.

Можно отметить, что в среднем в художественной литературе встречаются 1—2 таких предложения на одной странице печатного текста¹. В среднем частотность составляет 1,1.

Значительная часть таких предложений (около 30%) встречается в речи персонажей, иногда даже характеризующейся жаргонной окраской.

Например: «But I knew he'd 'a' killed me in my tracks right there behind that dance hall if I'd crossed him». (Hankins).

Следовательно, это явление в значительной степени характерно для разговорной речи.

Газетно-публицистический стиль — это стиль агитации и пропаганды, связанный с обсуждением актуальных вопросов общественной жизни и имеющий целью социально-политическое воздействие на читателя.

Сложноподчиненные предложения описываемого типа встречаются в газете довольно часто — в среднем по 12 предложений на одной странице (36 тысяч печатных знаков). При переводе на книжные страницы это дает 0,7 предложений на одну страницу.

В газете встретились сложноподчиненные предложения с последовательным подчинением 5-ой степени, в то время как в художественной литературе встретились единичные примеры 6-ой и 7-ой степени подчинения.

Например: The inquest was adjourned until Monday, October 23, after a police witness had said he did not think that Miss Valerie Storie, the 23-year-old woman who was shot several times when Mr Gregsten was killed, would be fit to face a court for at least two months.

Распределение придаточных частей по типам в целом совпадает с распределением по типам в художественной литературе. В газетном материале несколько преобладают дополнительные части, характерные для часто применяемой в газете «косвенной речи».

Например: The United Nations Secretary-General, U-Thant, said in an interview published here tonight he thought it was now a favourable time for «further steps» on disarmament and the restriction of nuclear arms.

Кроме того, в газете имеет место преобладание определительных предложений (только в первой степени).

Эти особенности сказались и на моделях сложных предложений с двухступенным последовательным подчинением, выделенных на материале газет. Таких моделей оказалось 9:

Г—Д—О	20%
Г—Д—О	18%
Г—Д—Д	11%
Г—О—О	10%
Г—О—Д	10%
Г—О—О	7%
О—О ₆ —Д	7%
Г—О ₆ —О	4%
Г—(О ₆) ² —Д ¹	4%.

При сопоставлении этих моделей с моделями из текстов художественной литературы² обращает на себя внимание **большая стандарт-**

¹ См. Л. Н. Прудников. До питання про послідовну підрядність у сучасній англійській мові. — «Вісник Харк. ун-ту», серія філологічна, вип. 1. 1965, стр. 158—163.

² Относительно моделей художественной литературы см. Л. Н. Прудников. Модели сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением в современном английском языке. — Сб. «Вопросы теории и методики преподавания германских языков». Харьков, 1965, стр. 49—54.

ность моделей газетного стиля: если на долю 11 наиболее часто встречающихся моделей художественной литературы приходится 82% случаев употребления, то на долю 9 наиболее часто встречающихся моделей газетного стиля приходится 91% случаев употребления. Первые две модели газетного стиля обладают гораздо большей частотностью, чем первые две модели художественной литературы.

Из других особенностей можно упомянуть то, что **постпозиция главной части нетипична для газетного стиля.**

Основное назначение стиля научной литературы — давать точное систематическое изложение научных вопросов. В нем основное внимание автора сосредоточено на логической стороне излагаемого, на стремлении с максимальной точностью развить систему суждений и доказательств.

Авторы, касавшиеся вопроса о стилистическом использовании синтаксических средств в научно-технической литературе, утверждают, что здесь широко используются сложные, и в частности сложноподчиненные предложения: «В грамматическом отношении стиль научной прозы характеризуется большим количеством сложных предложений»¹. «Сложноподчиненные предложения в стиле научной прозы являются весьма распространенными»².

Но вопреки тому, чего можно было бы ожидать, в научно-технической литературе используется **гораздо меньше сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением, чем в художественной и газетно-публицистической.**

В исследованной литературе встретилось в среднем только 0,3 примера на одну страницу (в пересчете на страницы по 2 тысячи знаков), в то время как число таких предложений в художественной литературе составляло 1,1 и в газете 0,7 на одну страницу. В рассмотренном научно-техническом материале **не встретилось степени подчинения выше 3-ей.**

Предложения описываемого типа более характерны для разговорной речи; это подчеркивается тем, например, что в текстах медицинского характера подобные предложения появляются в тех случаях, где приводится анамнез — медицинская биография больного, записываемая с его слов. Так, в статье «Mental and physical traits of identical twins reared apart» (J. of Heredity, 1929, vol. 20, No. 2—3) в целом встречается очень мало предложений с последовательным подчинением, но такие предложения сразу появляются в анамнезе пациентов: «When these twins were twenty-one years old, a Catholic sister from a convent in another city of the same state saw «E» in a bus and got into conversation with her, telling her that she was almost exactly like a girl who had been in the convent».

И в других научно-технических текстах, например, в том случае, когда приводится выступление, процент описываемых предложений резко возрастает: «It seems to me that the focal points are with the local bank managers to whom businessmen habitually turn when they have a financial problem». (Oil Engine and Gas Turbine, 1963, vol. 31).

¹ Р. Н. Разумовская. К вопросу о принципах и методических установках стилистического анализа художественного произведения (на материале английского языка). — «Уч. зап. МГПИИЯ», 1956, т. 93, стр. 54.

² В. Н. Скибо. Об употреблении некоторых сложноподчиненных предложений в стиле научной английской прозы (на материале английской лингвистической литературы). — «Уч. зап. МГПИИЯ», 1961, т. 26, стр. 301.

На основании исследованного материала были выделены распространенные модели сложных предложений с двухступенным подчинением. Таких моделей оказалось 9:

Г — О — О ₆	18%
Г — О — О	13%
Г — О ₆ — О ₆	10%
Г — О ₆ — О	10%
Г — О ₆ — Д	10%
Г — Д — О ₆	5%
О ₆ — О — Г	5%
Г — П — О	5%
Г — П — О	5%

(П — подлежащая придаточная часть).

Обращает на себя внимание то, что наиболее распространенные модели научного стиля в меньшей степени совпадают с моделями художественной литературы, чем модели газетного стиля.

На долю наиболее распространенных моделей научного стиля приходится 81% случаев употребления. (В художественной литературе — 82%, в газете — 91%). Это свидетельствует о меньшей стандартизации синтаксических моделей научной прозы, хотя на долю двух наиболее распространенных моделей приходится более высокий процент случаев употребления.

ВЫВОДЫ

1. Наиболее широко предложения описываемого типа используются в художественной литературе, в частности, в речи персонажей, значительно реже — в научно-технической литературе, за исключением тех случаев, когда в научную литературу проникает стиль разговорной речи. Стиль газеты занимает промежуточное место.

2. В художественной литературе встретились сложноподчиненные предложения с подчинением 7-ой степени, в газете — 5-ой степени, в научно-технической литературе — 3-ей степени.

ОБ АНАЛИТИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЯХ ПО ГРАММАТИКЕ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА*Б. И. Роговская*

Известный тезис «нет ничего практичнее хорошей теории» справедлив и в применении к подготовке учителя иностранного языка. Совершенно очевидно, что для учителя понимание структуры преподаваемого языка, его глубинных процессов так же обязательно, как практическое владение языком. Именно поэтому в системе университетской подготовки филолога, учителя иностранного языка значительна роль теоретических курсов, в частности грамматики.

Между тем вопросы организации работы над теоретическими курсами, особенно методика проведения семинарских занятий, изучены совершенно недостаточно, что по-видимому, связано с общей неразработанностью методики преподавания в высшей школе.

Целью настоящей статьи является освещение опыта проведения семинарских занятий по теории грамматики современного английского языка и изложение некоторых соображений по поводу анализа текста или шире — различных аналитических упражнений, которые в нашей практике являются основным видом упражнений на семинарах по теории грамматики современного английского языка.

Цели семинара по грамматике, определяющие также содержание и формы анализа текста (или устного высказывания), могут быть кратко сформулированы следующим образом:

- а) закрепить систему полученных теоретических знаний;
- б) учить распознавать, анализировать и обобщать языковые и речевые явления с общезыковедческих позиций;
- в) стимулировать самостоятельность мышления в изучении явлений языка и речи;
- г) развивать лингвистическую наблюдательность;
- д) учить основным приемам исследования — собирание фактов, организация лингвистического эксперимента, использование различной техники исследования (дистрибутивный, компонентный анализ, анализ по НС, трансформационный анализ, статистический анализ и т. д.);
- е) обучать необходимому для учителя умению отбирать речевой материал, соответствующий определенным требованиям;
- ж) возбуждать интерес к теоретическим проблемам и потребность в систематическом чтении специальной литературы, развивать способность критического сопоставления различных взглядов на явления грамматического строя и, наконец,
- з) способствовать совершенствованию навыков практического владения языком.

Следует сказать, что грамматический анализ в нашем понимании значительно шире морфологического и синтаксического разбора, являющегося обычно частью курса грамматики, и включает разнообразные аналитические упражнения, назначение каждого из которых определяется сформулированными выше целями.

Основные виды мыслительной деятельности, развиваемые на семинаре, — это узнавание определенных фактов по их эксплицитным и имплицитным признакам, сопоставление явлений с целью установления сходства и различий, определение ведущих и второстепенных признаков явления, мотивация конкретной позиции, сопоставляемой с другими взглядами на явления и т. д.

Мы различаем упражнения, основанные на интралингвистическом анализе, при котором рассматриваются явления английского языка без привлечения данных других языков, и упражнения, предполагающие интерлингвистический анализ с использованием двух и более языков, например, английского и русского, английского и украинского, английского и французского или немецкого, в зависимости от того, какой иностранный язык студенты изучают как второй. Упражнения могут быть основаны на тексте, предложенном преподавателем или подобранном студентами.

Ниже мы приводим различные аналитические упражнения, основанные на текстах, предложенных преподавателем.

Найти изучаемое грамматическое явление и определить его место в ряду граммем (т. е. охарактеризовать пучок грамматических значений, присущий ему). Например:

1) Найти в данном тексте нексусные структуры, определить состав каждой из них, указать, в какие граммеы¹ входят вербиды, входящие в состав нексусов.

2) Доказать, что выделенное в тексте явление обладает (или не обладает) определенными свойствами, например: доказать, что каждый графический сегмент приводимого ниже текста действительно является формой отдельного слова, определить, в какую лексему и какую граммему входит каждое из слов, выделенных в тексте.

3) На основании анализа данного речевого произведения доказать существование в английском языке определенных языковых явлений, скажем, какой-либо грамматической категории. Подбор текстов для аналитических упражнений подобного рода представляет известную трудность, так как наиболее показателен такой речевой отрывок, в котором есть члены одной лексемы, образующие в языке грамматическую оппозицию. **Например:** проанализируйте отрывок, приводимый ниже, и докажете существование в английском языке категории временной отнесенности (order, taxis). «It is time for the Government to explain to the people who are the country's enemies», said Labour MP Eric Heffer last night. They were the speculators... «whose irresponsible actions had been a cause of a serious attack on the pound».

4) Сопоставить определенные явления со смежными и выделить сходные и отличительные черты (языковые и речевые). Это упражнение требует предварительного ознакомления с текстами, изучаемыми студентами по курсу основного иностранного языка, так как анализ может быть проведен лишь на обширном текстовом материале. **Например:** сравнить Past Perfect Non-Continuous и Past Perfect Continuous, определить черты сходства и различия, установить, при

¹ См. определение граммеы в книге B. S. Khaimovich and B. I. Rogovskaya. A. Course in English Grammar. M., 1967.

каких условиях (лексический характер глаголов, синтагматические связи) они синонимичны.

5) Сопоставить определенные явления в изучаемом и родном языке, объяснить их сходство и различия в свете общих типологических признаков этих языков. **Например:** сопоставить все глагольные граммы в отрывке из рассказа Голсуорси с соответствующими глагольными граммемами, использованными в русском переводе.

...A salary of four pounds a week would not, he was conscious, remake his fortune, but a certain jauntiness had returned to the gait and manner of one employed again at last.

...Он знал, что четыре фунта в неделю не сделают его богачом, все же в его манерах и походке появилась некоторая беспечность человека, снова получившего работу.

6) Используя некоторые приемы трансформационного анализа (компонентного анализа, анализа по НС), определить природу определенного явления в данных синтагматических условиях. **Например:** используя процедуру трансформационного анализа, определить речевые значения граммем притяжательного падежа в предложениях, приводимых ниже.

Или: проанализировать приводимые ниже предложения, используя дистрибутивную модель Г. Фриза, указать ее достоинства и недостатки по сравнению с традиционной моделью членов предложения.

7) Определить, в каких случаях анализ лексического значения слова является ревалентным при характеристике его прагматических значений. **Например:** определить, какую роль играет лексическое значение глаголов, выделенных в тексте, для определения их принадлежности к той или иной граммеме.

Анализ текстов, подобранных студентами, может включать такие формы работы, как сопоставление различных взглядов на определенное явление с подробной мотивировкой той точки зрения, которая представляется студенту наиболее убедительной, и подбором текстов для анализа, подкрепляющих справедливость данной теории.

Например: сопоставить различные взгляды на категорию залога в английском языке, найти тексты, подтверждающие концепцию, которая студенту представляется правильной.

При подготовке и проведении аналитических упражнений очень важно тщательно продумать не только их характер и методику использования, но и наиболее эффективное их сочетание, соответствующее содержанию темы и основной цели занятия.

Приведем несколько возможных вариантов сочетания различных аналитических упражнений.

При изучении темы «Части речи», которой, естественно, должно уделяться значительное внимание как одной из центральных тем морфологии, полезно предложить студентам в качестве домашнего задания определить частотность использования разных частей речи — знаменательных и полузнаменательных — на 1000 слов в основных функциональных стилях современного английского языка. Студенты должны использовать формулу, определяющую допустимую ошибку¹.

Этот вид работы связан с тем, что он предполагает изучение только очень распространенных явлений, имеет ограниченную сферу применения. После рассмотрения основных теоретических проблем темы и сопоставления результатов, полученных студентами при статистическом анализе текстов, целесообразно провести анализ омонимов с по-

¹ Сб. «О точных методах исследования языка», М., 1961.

дробной мотивацией отнесения слов к той или иной части речи. **Например:** None is disputing your right to stay here. You ought to right this injustice. Your opinion is right enough. You have done right. I am coming right to the point, etc.

После подобных чисто аналитических упражнений целесообразно использовать упражнения комбинированного типа, в которых анализ связан с определенным конструктивным заданием. **Например:** используйте форму ship (мы понимаем под формой материальное в слове — его графическую или акустическую сторону) в предложении как глагол. Укажите все признаки глагола, эксплицитно и имплицитно выраженные в вашем предложении.

Особое место в системе аналитических упражнений занимают упражнения, направленные на развитие у студентов наблюдательности, умения выявить определенные закономерности и сформулировать их.

При изучении темы «Местоимение» мы предлагаем студентам группы предложения с заданием вывести и сформулировать самостоятельно ряд частных правил, которые из-за недостатка времени не освещаются в курсе. **Например:** сопоставить предложения The crew who were all asleep forgot to hoist the lantern и This Negro family which has six children under eight is under the threat of eviction и сформулировать правило об употреблении who—which с так называемыми collective nouns и nouns of multitude и т. д. Упражнения этого типа обычно вызывают большой интерес у студентов.

Мы ограничились здесь перечислением лишь нескольких типов упражнений, но они дают возможность составить представление о характере аналитических упражнений, применяемых в нашей практике. Мы полагаем, что систематическое использование указанных выше (и аналогичных) форм работы над текстом способствует подготовке учителей, не испытывающих растерянности при столкновении с различными точками зрения на одно и то же грамматическое явление (что неизбежно) и умеющих использовать теоретические источники при решении практических задач.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. М. Ткаченко

В современном английском языке можно различить 4 основных типа конструкций, которые можно назвать базисными глагольными конструкциями (сокращенно — БГК). Употребление глаголов в той или иной базисной конструкции зависит от их сочетательных свойств. Например, глаголу *tell* свойственно иметь связи с двумя дополнениями, глагол *meet* может сочетаться только с одним дополнением, а глагол *sit down* не может иметь ни одного дополнения.

Глаголы, для которых типична та или иная конструкция, не представляют собой класса слов с абсолютно одинаковой сочетаемостью. В ряде случаев их можно подразделить на несколько подклассов глаголов, объединенных внутри подкласса общими сочетательными свойствами. В пределах классов и подклассов глаголов, употребляющихся в той или иной БГК, можно различить несколько более мелких групп глаголов, каждая из которых строит словосочетания по определенному образцу, другими словами, имеет определенную лексико-грамматическую модель сочетаемости.

В данной статье дается краткое описание базисных глагольных конструкций, их подклассов и лексико-грамматических моделей сочетаемости личных форм глаголов.

Базисная глагольная конструкция № 1

БГК № 1 — это конструкция однообъектных глаголов, которые вступают в связь с одним дополнением, например: *Lanny poured the tea. (Abrahams)*. Формальным признаком БГК № 1, позволяющим отличить ее от конструкций непереходных глаголов, где глагол также может иметь активную связь с существительным (например, *They stood a moment in a neglected doorway. Galsworthy*), является возможность проведения залоговой трансформации. Конструкции непереходных глаголов нельзя подвергнуть залоговой трансформации, а БГК № 1 имеет активную и пассивную трансформы:

Celia watched him. (Abrahams). He was watched by Celia.

БГК № 1 является самой распространенной глагольной конструкцией: почти $\frac{2}{5}$ глаголов употребляются в речи в этой конструкции.

Связь глагола с дополнением может быть прямой (беспредложной) или опосредованной (предложной). Поэтому в БГК № 1 мы различаем

подклассы беспредложных и предложных конструкций. В пределах этих подклассов можно различить 13 групп глаголов с общими сочетательными свойствами, другими словами, в БГК № 1 есть 13 лексико-грамматических моделей сочетаемости глагола.

Модель № 1. В модели № 1 глагол имеет прямую связь с существительным или местоимением в функции дополнения, например: *I beg your pardon.* (Shaw). Характерной особенностью модели № 1 является то, что в ней могут употребляться все однообъектные глаголы. Это одна из самых распространенных моделей английского глагола (ее частотность составляет 23,1%).

Модель № 2. В модели № 2 глагол сочетается с придаточным дополнительным предложением, присоединяемым к глаголу при помощи союза *that* или бессоюзным способом, например: *I don't think there's any real harm.* (Maugham). По частоте употребления в речи (4,1%) данная конструкция занимает 6-е место среди моделей глагола. В ней чаще всего встречаются глаголы, обозначающие умственные процессы или речевую деятельность.

Модель № 3. В этой модели глагол также сочетается с дополнительным предложением, но это предложение обязательно вводится каким-либо соединительным словом, например: *I understand what she means.* (Maugham). Частотность данной модели составляет около 1%. В ней также употребляются преимущественно глаголы, обозначающие различные умственные и речевые процессы.

Модель № 3 похожа на модель № 2, однако мы рассматриваем ее как отдельную модель, так как, во-первых, в этих двух конструкциях наблюдаются различия в способах связи глагола и придаточного предложения; во-вторых, не всем глаголам, употребляющимся в модели № 3, свойственно сочетаться с дополнительным предложением без помощи союза или при помощи союза *that*. Например, глаголы *deliberate*, *discuss* не употребляются в модели № 2.

Модель № 4. В модели № 4 глагол имеет прямую связь с инфинитивом в функции дополнения, например: *He preferred to be over-charged.* (Maugham). Формальным признаком, позволяющим отличить эту конструкцию объектных глаголов от сочетания безобъектного глагола с инфинитивом, является возможность подвергнуть данную модель трансформации в пассивную конструкцию после замены инфинитива местоимением: *He forgot to post the letter* → *He forgot it* → *It was forgotten by him*. В сочетании же безобъектного глагола с инфинитивом, например, *Lanny reached down to pick up his cases.* (Abrahams.), невозможно заменить инфинитив местоимением.

Частотность модели № 4 составляет немногим менее 2%. В ней употребляются глаголы, выражающие желание (*desire*, *wish*), чувства (*like*, *love*), умственные процессы (*expect*, *remember*) и некоторые другие глаголы.

Модель № 5. В модели № 5 объектный глагол сочетается с инфинитивным оборотом в функции дополнения, вводимым союзным словом: *It seemed the only dish the cook knew how to make.* (Maugham). Эта модель является одной из самых редких конструкций: ее частота употребления в речи равняется всего 0,04%.

Модель № 6. В модели № 6 объектный глагол имеет прямую активную связь с герундием: *I remember seeing her on board.* (Maugham). Частотность модели № 6 — невелика — около 0,5%.

Модель № 7. В этой модели глагол сочетается со сложным дополнением, выраженным существительным (или местоимением) и инфинитивом со словом-морфемой *to*: *Celia had wanted him to stay.* (Abrahams.). Частотность модели № 7 равняется приблизительно 1,1%. В ней обычно

употребляются глаголы, обозначающие умственные процессы (expect, consider), желание (want, wish), чувство (love, hate), просьбу (ask, beg), приказание, принуждение (tell, compel), совет (advise), разрешение (allow, permit).

Модель № 8. Эта модель отличается от модели № 7 только тем, что инфинитив в данной конструкции употребляется без слова-морфемы to: It made him feel strange. (Abrahams). Частотность модели № 8 — 0,86%. В ней употребляются глаголы, выражающие восприятия органов чувств, а также глаголы bid, have, let, make.

Модель № 9. В этой конструкции глагол сочетается со сложным дополнением, выраженным существительным или местоимением и причастием I: She heard his stick thumping. (Mansfield). Модель № 9 принадлежит к числу редких конструкций: ее частотность составляет всего 0,2%. В ней употребляются глаголы, выражающие восприятия органов чувств, а также следующие глаголы: catch, find, get, have, keep, leave, set, start.

Модель № 10. Эта модель отличается от предшествующей тем, что в данной конструкции в составе сложного дополнения входит причастие II: When I hear that man called generous and fair! — well never mind. (Shaw). Частотность модели № 10 — 0,2%. В ней употребляются глаголы, выражающие восприятия органов чувств, а также глаголы find, get, have, keep, leave, like, make, prefer, want, wish.

Модель № 11. В модели № 11 глагол сочетается с синтаксическим комплексом, состоящим из существительного (или местоимения) и прилагательного, которые находятся в предикативных отношениях: It makes things easier. (Abrahams). Частотность модели — 0,6%.

Модель № 12. В этой модели глагол сочетается с синтаксическим комплексом, который состоит из двух слов 1-го функционального класса, находящихся между собой в предикативных отношениях: They call themselves Eurafricans. (Abrahams). Эта конструкция относится к числу наименее употребительных: ее частотность — 0,08%.

Модель № 13. Это конструкция косвенно-переходных однообъектных глаголов, которые имеют опосредованную связь с дополнением: Fatty looked at him. (Abrahams). Частотность модели № 13 — 3,8%.

Базисная глагольная конструкция № 2

БГК № 2 — это конструкция двухобъектных глаголов: She gave me courage. (Maugham). Ее частотность невелика — 3,7%. В пределах БГК № 2 по особенностям связей глагола с дополнением (прямые или опосредованные связи) можно выделить 3 подкласса конструкций:

а) Подкласс беспредложных конструкций (частотность — 1,5%):

A little girl brought them a dish of Hamburger steak. (Maugham).

б) Подкласс конструкций глаголов с одной прямой и одной опосредованной связями с дополнениями (частотность 2,2%):

Trench has entrusted me with a difficult... task. (Shaw).

в) Подкласс конструкций косвенно-переходных двухобъектных глаголов с двумя предложными дополнениями (частотность — 0,02%):

Elsie apologized to her teacher for coming to school late.

Во всех трех подклассах БГК № 2 можно различить 7 моделей:

Модель № 1. В этой модели глагол имеет прямые связи с двумя дополнениями, выраженными словами 1-го функционального класса: I was bringing you this. (Galsworthy). Частотность модели № 1 — 1%. В ней употребляется несколько десятков глаголов типа ask, give.

Модель № 2. В данной модели глагол сочетается с двумя беспредложными дополнениями, одно из которых выражено существительным

или местоимением, а второе — придаточным предложением с союзом *that* или без союза: *I tell you it was impossible. (Maugham)*. Глаголы, употребляющиеся в модели № 2, немногочисленны (*assure, inform, promise, remind, teach, tell, warn* и некоторые другие). Эта конструкция встречается в речи довольно редко: ее частотность — 0,3%.

Модель № 3. Эта модель отличается от предшествующей тем, что в модели № 3 придаточное предложение всегда вводится соединительным словом: *Ask him where he put it*. В этой конструкции употребляются глаголы *advise, ask, inform, remind, show, teach, tell*. Частотность модели № 3 — 0,2%.

Модель № 4. В этой модели глагол сочетается с двумя беспредложными дополнениями, одно из которых выражено существительным или местоимением, а второе — инфинитивным оборотом, вводимым союзным словом: *Will you advise me which to buy?* Это чрезвычайно редкая конструкция: ее частотность составляет менее 0,02%.

Модель № 5. В модели № 5 глагол имеет 1 прямую и 1 опосредованную (предложную) связь с дополнениями, выраженными словами 1-го функционального класса: *I reminded him about it*. В ней употребляется подавляющее большинство двухобъектных косвенно-переходных глаголов. Ее частотность достигает 2,1%.

Модель № 6. В этой модели глагол имеет опосредованную связь с дополнением, выраженным существительным или местоимением, и прямую связь с дополнителем предложением: *I pointed out to him that... it would be more delicate to wait... (Shaw)*. В ней употребляются глаголы *admit, confess, dictate, describe, explain, point out, say, suggest*. Частотность данной модели — 0,1%.

Модель № 7. В модели № 7 глагол сочетается с двумя предложными дополнениями: *She complained to him of a severe headache*. Эта модель относится к наиболее редко встречающимся конструкциям — ее частотность составляет всего 0,02%.

Базисная глагольная конструкция № 3

БГК № 3 — это конструкция непереходных самостоятельных глаголов, которые не имеют ни объектных связей, ни обязательных связей с предикативом (факультативные связи с предикативом у них изредка встречаются), например: *Dr. Macphail sighed faintly. (Maugham)*. Частотность БГК № 3 равняется 24%. В пределах БГК № 3 можно различить три модели.

Модель № 1. В этой модели глагол имеет связь только с подлежащим или с подлежащим и обстоятельством (за исключением обстоятельств, выраженных существительным без предлога или с предлогом *for*, а также инфинитивом): *Our hearts sank. (Maugham)*. *She flushed faintly. (Mansfield)*. Модель № 1 БГК № 3 — самая распространенная в речи (частотность 23,3%). В этой модели употребляются все непереходные самостоятельные глаголы.

Модель № 2. В этой модели за глаголом следует существительное без предлога или с предлогом *for* в функции обстоятельства меры: *You'll wait a long time. They stood there for some time. (Maugham)*. Частотность модели № 3 равняется 0,3%.

Модель № 3. В модели № 3 глагол сочетается с инфинитивом в функции обстоятельства: *I've come to enjoy myself. (Shaw)*. Частотность данной модели невелика (0,4%), хотя большинство непереходных самостоятельных глаголов может употребляться в ней.

Базисная глагольная конструкция № 4

БГК № 4 — это конструкция копулятивных глаголов. Ее частотность равняется 34,7%. В пределах БГК № 4 можно различить 9 моделей.

Модель № 1. В этой модели квалификативные связочные глаголы сочетаются со словом 3-го функционального класса: *Josephine got very red. (Mansfield)*. В ней употребляются немногочисленные глаголы (*be, become, get, grow, look, seem, turn, appear* и некоторые другие), но так как они встречаются в речи очень часто, модель № 1 БГК № 4 является одной из самых распространенных конструкций: ее частотность — 11%.

Модель № 2. В данной модели квалификативные связки сочетаются с существительным в функции предикатива: *It's almost a hopeless task. (Maugham)*. В ней употребляется еще более ограниченный круг глаголов, чем в модели №1 (*be, seem, turn* и некоторые другие), однако ее частотность довольно велика — 6,9%.

Модель № 3. В модели № 3 объектные копулятивные глаголы (*contain, have, possess, resemble* и др.) сочетаются со словами 1-го функционального класса: *He had a secret. (Mansfield)*. Глаголы, употребляющиеся в этой модели, относятся к подгруппе объектных связок и находятся на периферии системы копулятивных глаголов. Они отличаются от самостоятельных объектных глаголов тем, что являются внезалоговыми (непереходными). Конструкции с объектными связками не имеют пассивных трансформ. Однако смысловые отношения между объектными копулятивными глаголами и сочетающимися с ними именными элементами до некоторой степени напоминают отношения между компонентами словосочетаний самостоятельных объектных глаголов. Частотность модели № 3 равняется 2,7%.

Модель № 4. В этой конструкции копулятивный глагол сочетается со словом или сочетанием слов, находящихся в позиции 4-го функционального класса: *It's after four. (Mansfield)*. Ее частотность — 4,4%.

Модель № 5. Здесь модальный копулятивный глагол сочетается с инфинитивом (без слова-морфемы *to*): *We can decide tomorrow. (Mansfield)*. Частотность данной модели равняется 6,3%.

Модель № 6. В модели № 6 модальный глагол сочетается с инфинитивом со словом-морфемой *to*: *We ought to give him a present. (Mansfield)*. Частотность данной модели составляет 2%.

Модель № 7. В модели № 7 употребляются копулятивные глаголы (*be, feel, look, seem, sound*), которые сочетаются с придаточным предложением в функции предикатива: *It seemed as though it were in another world. (Abrahams)*. Ее частотность равняется 0,7%.

Модель № 8. Здесь копулятивные глаголы (*be, belong, consist, feel, look*) имеют опосредованную связь со словом 1-го функционального класса, выполняющим роль предикатива в предложении, например: *Davidson's district consisted of a group of islands. (Maugham)*. Частотность модели № 8 невелика — 0,5%.

Модель № 9. В модели № 9 связочный глагол (*appear, be, chance, happen, prove, seem, turn out*) сочетается с инфинитивом: *We seemed to make no progress. (Mansfield)*.

Эта модель является как бы промежуточной между моделями № 6 и № 2. Внешне она напоминает модель № 6, где инфинитив со словом-морфемой также следует за личной формой глагола. Однако в модели № 6 употребляются модальные глаголы, а в модели № 9 — глаголы, которые по своему значению и свойствам стоят ближе к квалификативным связкам, употребляющимся в модели № 2. Частотность модели № 9 очень мала: она составляет 0,2%.

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы:

1. В английском языке можно выделить 4 основных типа глагольных конструкций.

- а) Конструкции переходных однообъектных глаголов.
- б) Конструкции переходных двухобъектных глаголов.
- в) Конструкции непереходных самостоятельных глаголов.
- г) Конструкции непереходных несамостоятельных (копулятивных)

ных) глаголов.

Эти четыре основных типа глагольных конструкций можно назвать базисными глагольными конструкциями.

2. Первые две базисные глагольные конструкции содержат подклассы предложных и беспредложных конструкций, выделяемые по наличию или отсутствию предложных связей, а также по количеству этих связей.

3. В пределах каждой из базисных глагольных конструкций наблюдается определенное количество лексико-грамматических моделей. Всего в английском языке 32 лексико-грамматические модели глагола.

МОРФЕМАТИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

(Грамматическое учение о морфеме)

Б. С. Хаймович

Традиционно грамматика делится на два раздела: 1) морфологию, грамматическое учение о слове, по выражению В. В. Виноградова, 2) синтаксис, в основном, «грамматическое учение о предложении». Третьего, или первого, раздела, грамматического учения о морфеме, просто нет.

Напротив, многие сторонники структуральной лингвистики считают морфему основной лингвистической единицей, а слово и предложение — лишь цепочками морфем. Поэтому морфемика, по их мнению, охватывает всю грамматику, а морфология и синтаксис — возможные подразделы. Такой взгляд эксплицитно выражен, например, в следующем высказывании: «Морфемика, которая охватывает все в языке (в узком смысле) от малейшей значимой единицы до конструкции предложения, берет свое название от полезного орудия, морфемы. Первые этапы морфемики вплоть до синтаксиса называются морфологией»¹.

Обе точки зрения — и та, которая пренебрегает морфемой, и та, которая возносит ее над другими единицами, на наш взгляд, крайности. Морфема, слово и предложение занимают определенные положения в иерархии языковых уровней². Единицы каждого уровня образуют свою систему, которая соотносится с системами соседних уровней. Грамматика начинается не на уровне слова (морфология), а ниже, на уровне морфемы. Но грамматическое учение о морфеме — это не всеобъемлющая морфемика, а лишь один из трех разделов грамматики. Мы не нашли для этого раздела лучшего названия, чем морфематика.

Классы морфем. Будем исходить из того, что морфема — это не единица плана выражения и не единица плана содержания³, а минимальная двусторонняя единица, имеющая форму (выражение) и содержание. Если не учитывать содержания, морфема состоит из единиц плана выражения, фонем. Содержание морфемы также членится на отдельные единицы, значения. Каждая морфема содержит, по крайней мере, одно значение, но их может быть, и во флективных языках обычно бывает, больше. Форма и содержание морфемы соотносительны, но между ними нет «неразрывной слитности». Одна и та же форма может

¹ G. P. Faust, В сб. Readings in Applied English Linguistics, ed. by H. B. Allen, 2 edition, 1964, стр. 92.

² См. нашу статью «Об уровнях языка и речи» в сб. «Вестник Харьковского университета», серия иностранных языков, вып. 2, Харьков, 1969.

³ Г. А. Климов. Фонема и морфема. «Наука», 1967, стр. 6—7.

передавать различные значения (ср. -а в *стен-а, окн-а, был-а*) и наоборот (ср. выражение значений «множественное число + именительный падеж» в словах *столы, стулья, окна*).

Широко распространена классификация морфем на лексические (корневые), лексико-грамматические (основообразовательные) и грамматические (формообразовательные). В какой-то мере эта классификация может опираться на различия в плане выражения. В докладе Р. Якобсона на VI съезде лингвистов «Фонетический и грамматический аспекты языка в их взаимоотношениях» есть такое место: «В русских формах, род. *грибá*, дат. *грибú*, предл. *грибé*, им. мн. *грибý*, различные ударные гласные передают различные значения падежей и чисел, но общая черта этих окончаний (-á, -ý, -é, -ý) — то, что формальная единица (морфема. — Б. Х.) может состоять из одного гласного, — оказывается характерной чертой флексий, которая отличает их как от деривационных суффиксов, так и от корней, короче говоря, от тех формальных единиц, которые не могут быть сведены к одному гласному»¹. Но это, конечно, преувеличение. К одному гласному могут быть сведены и основообразовательные суффиксы (ср. *пис-а-л, сид-е-л, говор-и-л*), и корни (ср. *об-у-ть, раз-у-ть*), и целые слова (*а, и, о, у*). Флексия может оказаться протяженнее корня, как в словах *сн-ами, сын-овья* и др.

Основные различия между названными классами морфем лежат в плане содержания. О некоторых из этих различий уже писалось², но здесь мы на них остановимся несколько подробнее.

Оппозитивность. Это важнейший отличительный признак грамматических значений и, следовательно, грамматических морфем, заключающийся в том, что каждое грамматическое значение в языке, в отличие от лексических и лексико-грамматических, обязательно является членом коррелятивной оппозиции³, в рамках которой оно противопоставлено определенному, четко ограниченному числу других грамматических значений (чаще всего одному или двум), с которыми оно находится в отношениях дополнительности в объеме общего значения оппозиции, примерно так же как в равенстве $ax + bx = cx$ величины a и b дополнительны в объеме c .

Нельзя сказать, что эта особенность грамматических значений не признается лингвистами. Общеизвестны утверждения, что не может быть «множественного числа» без «единственного», «совершенного вида» без «несовершенного», что в языке не может быть одного падежа, одного времени или одного залога⁴. Но обычно оппозитивность не используется в качестве критерия грамматического значения, в качестве его обязательного признака так, чтобы значения, не обладающие свойством оппозитивности, не считались грамматическими.

В уже цитированной работе Р. Якобсона читаем: «Из русских корней только местоимения могут состоять всего лишь из одного согласного (например, *к-, ч-, т-, н-, в-*). В этом отношении они приближаются к флексиям, которые также могут состоять из одного согласного. Местоименные корни отличаются от других корней тем, что их значения не

¹ Actes du sixième congrès international des linguistes. Paris, 1949, стр. 12—13.

² См. наши статьи: «О единицах грамматической сферы», ВЯ, 1968, № 6; «О грамматической категории», НДВШ, Филологические науки, 1969, № 2. См. также Б. С. Хаймович, Б. И. Роговская. Теоретическая грамматика английского языка. М., 1967.

³ См. ВЯ, 1968, № 6, стр. 30—31.

⁴ См., например, Т. В. Булыгина. Грамматические оппозиции. Сб. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 200, 176.

лексические, а грамматические»¹. Так получается, если игнорировать оппозитивность и искать критерий грамматичности морфемы в плане выражения. Если же исходить из оппозитивности, картина другая. В членах ряда *кто-кого-кому-кого-кем-(о)ком* содержатся два типа значений: а) оппозитивные, падежные, соотносительные с меняющимися окончаниями, б) не-опозитивные, общие для всех членов ряда и соотносительные с объединяющим их корнем. Первые — грамматические, вторые — лексические.

Т. В. Булыгина распространяет признак оппозитивности и на лексические значения: «Понятию «белого» противопоставлено лишь понятие «черного», понятию «прекрасного» — понятие «безобразного»². Но «белый» и «черный», являясь понятиями видовыми по отношению к родовому понятию «цвет», не исчерпывают этого родового понятия. Они только полярные, но не единственные частные значения «цвета». Поэтому охватываемые «цветом» явления могут быть не только «белыми» или «черными», но и «серыми» или «зелеными». А родовое грамматическое значение «числа» в русском, немецком или английском языке полностью исчерпывается оппозитивными видовыми значениями «единственный» и «множественный». Охватываемые значением «числа» явления (скажем, существительные) могут быть либо «единственными», либо «множественными», но никакими другими. Иначе говоря, антонимы, в отличие от членов грамматической оппозиции, не дополнительные, они контрарны, а не контрадикторны, как члены фонологических или грамматических оппозиций.

Критерий оппозитивности позволяет также однозначно разрешить давний спор о природе значений таких слов, как предлоги или союзы. Значение предлога *у* или союза *а* так же не оппозитивно, как значение наречия *вдруг* или прилагательного *беж*. Следовательно, это не грамматические, а лексические значения. Что касается антонимов типа *над-под*, то к ним применимо сказанное об антонимах других частей речи.

При сопоставлении английских слов *careful—careless*, *merciful—merciless* может показаться, что лексико-грамматические морфемы *-ful* и *-less* обладают обязательной оппозитивностью, но примеры типа *homeless*, *jobless*, где морфема *-less* сохраняет свое значение, хотя и не противостоит *-ful*, показывают, что и здесь нет обязательной оппозитивности.

С оппозитивностью и дополнительностью грамматических значений связано также такое явление, как нулевая морфема.

Нулевые морфемы. В системе, состоящей из двух оппозитивных значений, не обязательно применять два знака. Экономнее использовать знак только для одного значения, а отсутствие знака для другого. Так появляются нулевые знаки. Они возможны только для замкнутой системы значений, находящихся в отношении **дополнительности** в объеме общего значения системы. Поскольку такие значения сплошь покрывают данный объем, нетрудно определить, какой участок данного объема не соотносится с положительным знаком, т. е. какое значение соотносится с нулем.

В языке, где существительное обязательно сочетается либо со значением единственного, либо со значением множественного числа, одно из этих значений может в целях экономии выражаться нулем, образуя так называемую нулевую морфему, противопоставленную положитель-

¹ Указ. раб., стр. 183.

² Цит. раб., стр. 13.

ной морфеме, значение которой соотносится с положительным материальным знаком. Нулевая морфема может использоваться не только в бинарной оппозиции, но и в оппозиции, скажем, трех времен или шести падежей. Однако вне оппозиции, в открытой системе значений, как правило, нет нулевых знаков, потому что трудно установить значимость нуля. Поэтому нет лексических значений, выраженных нулем, т. е. лексических нулевых морфем. И тот факт, что нет, например, нулевых предлогов, подтверждает наше мнение, что их значения лексические, а не грамматические.

Здесь необходимо сделать существенную оговорку. Когда мы связываем вопрос о нулевых морфемах с оппозиитивностью, с закрытыми или открытыми системами, речь идет о парадигматике, о системах языка (кода), а не речи (текста). В синтагматике, в определенных контекстах возможно выражение нулем значений самых разнообразных слов и словосочетаний. Например, в контексте *Он работает на заводе, я — в школе* пауза после *я* означает *работаю*, а в контексте *Он завтракает на заводе, я — в школе* пауза означает *завтракаю*.

В скобках можно заметить, что парадигматический и синтагматический нули имеют разную психологическую основу. Синтагматический нуль опирается на кратковременную, оперативную память, объем которой, по мнению психологов, 7 ± 2 единицы¹. Поэтому он соотносится не с постоянным значением, а со значением части данного текста в радиусе действия оперативной памяти. Парадигматический нуль опирается на механизм долговременной памяти и соотносится с постоянным значением в такой же мере, как и положительный сегмент плана выражения. Омонимия нулевого знака (скажем, *стол* — $\emptyset$ им. и вин.), той же природы, что и омонимия положительного знака (*стол-ы*, им. и вин.).

Симультианность. Эта черта грамматических значений проявляется в том, что образующийся в языке (парадигматике) пучок грамматических значений, граммема², не распадается в речи (синтагматике) на свои компоненты. Все значения пучка употребляются совместно, одновременно (симультианно). Это сближает граммему с фонемой как пучком симультианных дифференциальных признаков и отличает от лексемы — пучка лексических значений, распадающегося в речи.

Значения лексико-грамматических морфем, подобно лексическим, не обладают свойством симультианности. Адвербиализация слова *зимой*, например, основанная на превращении грамматической морфемы *-ой* в лексико-грамматическую (основообразовательную), и заключается в потере пучка значений числа, падежа и рода. Поэтому признак симультианности является надежным критерием грамматической морфемы. Сомнения в том, является ли данная морфема грамматической или лексико-грамматической, могут возникнуть только, если морфема имеет в тексте лишь одно значение, как *-ее* в слове *сильнее*, которое многие лингвисты относят к наречиям даже в предложениях типа *Он сильнее меня*. Доказательством грамматичности морфемы в таких случаях служит обязательная оппозиитивность ее значения.

Зависимость. Как уже говорилось, грамматические значения, в известной мере, подчинены лексическим, зависят от них, не могут без них образовать слова. Эта зависимость на уровне слова является внутренней чертой его структуры как единицы языка (кода). Но на уровне морфемы речь идет о взаимоотношениях между единицами, об их сочетаемости, т. е. о синтагматических отношениях единиц в речи. Лексическая

¹ G. A. Miller. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two, in *Language and Thought*. Princeton, 1967.

² См. ВЯ, 1968, № 6, стр. 28.

морфема может иметь нулевую сочетаемость в пределах слова, т. е. может самостоятельно, без помощи грамматических и лексико-грамматических морфем образовывать слово. Например, *на, вот, вдруг, all, deaf* и подобные. Грамматическая морфема не может иметь нулевой сочетаемости, она обязательно сочетается с лексической морфемой¹.

Грамматические значения зависят также от лексико-грамматических морфем. Так, лексико-грамматические суффиксы *-тель, -ыш* (*учитель, малыш*) требуют после себя грамматических морфем со значениями числа и падежа, а суффиксы *-е, -а* (*краснеет, читает*) — грамматических морфем со значениями лица и времени.

Лексико-грамматические морфемы, которые как бы организуют, классифицируют лексические значения, относя их к определенным рядам, классам, частям речи, также зависят от лексических морфем. Однако эта зависимость несколько иного порядка. Во-первых, лексико-грамматические значения модулируют, подправляют, видоизменяют лексические, так что общая семантика слова зависит и от лексико-грамматических морфем. Следовательно, можно говорить о некоторой взаимозависимости лексических и лексико-грамматических морфем. Во-вторых, лексико-грамматическая морфема может иногда потерять свою зависимость от лексической морфемы и сама стать лексической морфемой, как это произошло, например, с суффиксом *-изм* (*наслушался всяких измов*).

Модели сочетаемости морфем определяют строение слов, обязательным компонентом которых являются лексические морфемы (Л), в большинстве случаев сочетающиеся с грамматическими (Г) и лексико-грамматическими (ЛГ) морфемами. Среди возможных в русском языке моделей сочетаемости морфем внутри слова мы находим: Л (*беж*), Л+Г (*столы*), ЛГ+Л (*вокруг*), ЛГ+Л+Г (*заливом*), Л+ЛГ+Г (*столика*), Г+Л+ЛГ+Г (*написал*) и многие другие. В английском языке нет модели Г+Л+ЛГ+Г, но гораздо больший удельный вес, чем в русском, занимают модели Л, Л+Л, Л+Г.

Нужно сказать, что сочетаемость морфем изучена гораздо хуже, чем сочетаемость слов.

Опосредствованность. В отличие от лексических морфем, которые непосредственно связаны с экстралингвистическим, грамматические и лексико-грамматические связаны с экстралингвистическим опосредствованно, через лексические. Или иначе, если лексические значения в первую очередь отражают экстралингвистические явления, а потом уже модулируются в семантическом поле языка, то грамматические прямо определяются языковой оппозицией и лишь косвенно — внеязыковыми факторами.

Конечно, необходимо учитывать неоднородность грамматических (и иных) значений в этом смысле. Например, значения числа у прилагательных меньше связаны с экстралингвистическими и больше с интралингвистическими отношениями, чем значения числа у существительных. Но даже эти последние коренным образом отличаются от лексических значений числа, выражаемых числительными, которые непосредственно отражают количественное разнообразие действительности. Для каждого реального количества имеется соответствующее лексическое значение в языке. Грамматические же значения определяются, главным образом, оппозицией. Те же количественные отношения реальности бу-

¹ Противоположной точки зрения, что в слове грамматическое значение обязательно, а лексическое факультативно (см. Т. В. Булыгина. Указ. раб., стр. 202), можно придерживаться только ценой отказа от обязательной оппозитивности грамматических значений.

дут по-разному отражены значениями бинарной оппозиции «единственное — множественное» и тернарной оппозиции «единственное — множественное — двойственное».

Кроме того, на характер связи с действительностью влияет зависимость грамматических и лексико-грамматических морфем от лексических. Вследствие своей самостоятельности лексические морфемы представляют свои значения так, что их можно изолировать и непосредственно соотнести с реальностью. Грамматические же значения настолько тесно связаны с лексическими и зависят от них, что пользующемуся языком трудно выделить, скажем, «множественность» как таковую, а речь всегда идет о предметах во множестве, точно так же, как у глагола выделяется не время, а действие во времени. Иными словами, приложение к действительности идет через лексические значения.

Количественная ограниченность. А. Мартине считает, что лексические и грамматические морфемы (по его терминологии, монемы) различаются, главным образом, количественно: «Лексические монемы входят в состав неограниченных инвентарей. Грамматические монемы, находясь в той или иной позиции, чередуются с относительно ограниченным числом других монем»¹.

Если этот критерий взять в качестве единственного, мы вместе с А. Мартине должны будем отнести к грамматическим не только морфемы, но и слова, целые части речи, такие как предлоги, союзы, местоимения. А самыми грамматичными придется, пожалуй, признать слова *да* и *нет*, потому что их только два.

Но вместе с другими, качественными, признаками важно учитывать и количественную характеристику морфем, тем более, что количество и качество не оторваны друг от друга. Например, оппозитивность необходимо связана с количественной ограниченностью, ибо изменение числа членов оппозиции меняет сами эти члены. Появление в среднеанглийский период третьего члена оппозиции времени, будущего, изменило значение настоящего времени, которое до того было настоящим-будущим.

Логично также предположить, что организующих лексико-грамматических морфем значительно меньше организуемых ими лексических морфем. В I томе академической «Грамматики русского языка» описываются почти все префиксы и суффиксы современного русского языка, а описать все лексические морфемы вряд ли возможно.

Таким образом, мы кратко рассмотрели 5 признаков, отличающих значения грамматических морфем от лексических: 1) оппозитивность, 2) симультанность, 3) зависимость, 4) опосредственность, 5) количественную ограниченность. Признаки 3), 4) и 5) в значительной мере свойственны и значениям лексико-грамматических морфем, а признаки оппозитивности и симультанности свойственны только граммеме — содержанию грамматической морфемы.

Все это можно представить в таблице (см. стр. 68).

Таблица не только подтверждает существующее деление морфем по содержанию на грамматические, лексические и лексико-грамматические, не только указывает критерии их отграничения друг от друга, но также свидетельствует о том, что значения каждого типа морфем образуют отдельную сферу, со своими особенностями, свойствами, признаками. Эти сферы могли бы быть объектами разных разделов языкознания. Бесконечное множество независимых лексических значений, непосредственно отражающих «кусочки мира» и в совокупности создающих

¹ А. Мартине. Основы общей лингвистики. — Сб. «Новое в лингвистике», вып. III, стр. 471.

то семантическое поле, которое покрывает окружающий нас континуум, по праву является объектом лексикологии. Ограниченное количество лексико-грамматических значений, примыкающих к лексическим и классифицирующих их, с соответствующими модификациями, в группы и ряды вплоть до частей речи, образует другую сферу, которую должен изучать раздел языкознания с иным названием, чем словообразование.

Признаки значений	Оппози- тивность	Симуль- танность	Зависи- мость	Опосредо- ванность	Ограничен- ность
Клас морфем					
Грамматические	+	+	+	+	+
Лексико-граммати- ческие	—	—	+	+	+
Лексические	—	—	—	—	—

И наконец, закрытый список грамматических значений, структурно организованных в оппозиции и примыкающих в слове к лексическим и лексико-грамматическим значениям, является собственно объектом грамматики.

На морфемном уровне эти сферы, конечно, легче отделить друг от друга и изучить, чем на уровне слова, где они сливаются в цельную единицу номинации. А ведь сейчас они изучаются почти исключительно через слово: не как лексические морфемы, а как корни слов; не как лексико-грамматические морфемы, а как суффиксы или префиксы слов; не как грамматические морфемы, а как флексии слов.

О морфематических корреляциях. В уже цитированных статьях «О единицах грамматической сферы» (ВЯ, 1968, 6) и «О грамматической категории» (ФН, 1969, 2) мы говорили о степени изоморфизма граммы и фонемы, об оппозициях и корреляциях (категориях), в которых они участвуют, о нейтрализации этих оппозиций в определенных позициях (фонемы) или сочетаниях (граммемы). Сейчас хотелось бы уточнить, к какому уровню структуры языка относятся грамматические оппозиции и корреляции.

Традиционно грамматические категории (корреляции) числа, падежа, рода, лица, вида и т. п. относят к морфологическим категориям и, следовательно, рассматривают на уровне слова. Что эта традиция весьма спорна, можно показать на знаменитом примере Л. В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра*¹. Говорить о словах в таких случаях нельзя, потому что нет основных компонентов слов — лексических морфем. Но грамматические морфемы полностью сохранены, и это позволяет четко оперировать грамматическими значениями, оппозициями и корреляциями. В самом деле, зная строй современного русского язы-

¹ Аналогичный пример приводит В. Брэнфорд как доказательство самостоятельности грамматики. Для англичанина *Scranlets oggle hoggards* имеет ту же структуру, что и *Cats eat bats* (W. Branford. *The Elements of English*. L., 1967, стр. 94).

ка, мы легко можем установить следующие четыре оппозиции, в которых участвует *глокая* или, точнее, морфема *-ая*.

(глок) ая	{	(глок) ие... оппозиция категории числа
		(глок) ое — (глок) ий... оппозиция категории рода
		(глок) ой — (глок) ую... оппозиция категории падежа
		(глок) ее — (глок) ейшая... оппозиция категории степеней сравнения.

Это наглядно показывает, что грамматические оппозиции и представляемые ими категории (корреляции) связаны не со словами, а с грамматическими морфемами, т. е. относятся к морфематике, а не к морфологии.

Мы тут же должны оговориться, что и это утверждение требует уточнений. В действительности, членами фонологических и грамматических оппозиций являются не фонемы и морфемы, а так называемые элементарные единицы (единицы меризматического уровня), дифференциальные признаки фонем и граммем¹. Но поскольку меризмы не могут быть выделены в тексте как отдельные сегменты, они рассматриваются как часть тех минимальных сегментов, в которые они входят. Дифференциальные признаки фонем рассматриваются как компоненты фонем, а дифференциальные признаки граммем (элементарные грамматические значения граммем) — как компоненты граммем и, следовательно, грамматических морфем.

О «разгрузке» слова. Тот факт, что «извечные» морфологические категории на проверку оказываются морфематическими, сильно повышает удельный вес морфематики за счет морфологии и значительно разгружает слово в лингвистической теории. Ведь слово издавна считается «основной единицей языка»². Слово признается центральной единицей не только морфологии, но и всей грамматики, которая изучает «соединение слов с формулами предложений»³. Кроме того, слово — центральная единица лексикологии и словообразования.

Грамматическая и лексическая сферы языка в традиционной грамматике изучаются не сами по себе, не на основании их внутренних структур, а по их отношению к слову. Лексическая сторона слова признается основной, материальной, вещественной, а грамматическая — дополнительной, вспомогательной, формальной. Поэтому отделение грамматической сферы от лексической связано с большими трудностями и значительным субъективизмом. Как, например, отделить лексическое от грамматического в предложениях *на, под, у*? Даже в таких словах, как *зим-н-ий* или *лед-ян-ой*, где лексические, грамматические и лексико-грамматические (основообразовательные) морфемы легко выделяемы, они не стали соответственно объектами лексикологии, грамматики и словообразования. Нет, каждая из этих наук изучает одно и то же слово с разных сторон. Отсюда искусственная «перегрузка» слова и «недогрузка» морфемы.

Мы надеемся, что приведенные выше критерии определения грамматических, лексических и лексико-грамматических значений и соответствующих морфем, минуя слово, помогут не только разгрузить слово, но и четко наметить в языке контуры «чистой» грамматики, «чистой» лексики и промежуточную лексико-грамматическую сферу. Ведь чисто

¹ См. Т. В. Булыгина. Указ. раб., стр. 200.

² А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 20.

³ А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 47.

грамматические значения возможны только на уровне морфемы. Слово у же продукт взаимодействия лексики и грамматики.

Об уровнях нейтрализации. Нейтрализация морфематических оппозиций может происходить на морфемном и словесном уровнях. Примером нейтрализации на морфемном уровне может служить нейтрализация оппозиций категории рода в сочетании со значением «множественное число»:

(глок)ий	_____	
(глок)ая	_____	(глок)ие
(глок)ое	_____	

Здесь нейтрализация не зависит от соседних морфем слова, а происходит внутри грамматической морфемы, точнее, внутри граммы. Если в пучке значений граммы оказывается значение «множественное число», то значения «рода» нейтрализуются.

А вот оппозиция степеней сравнения нейтрализуется в слове в зависимости от соседних морфем. Если вместо *глок-* в *глокая* поставить *глубок-*, то оппозиция степеней сравнения сохранится, а если поставить *людск-*, она нейтрализуется.

Нейтрализоваться могут одновременно несколько грамматических оппозиций. Так, например, в сочетании со значением «сравнительная степень» нейтрализуются в русском языке оппозиции рода, числа и падежа. Ср. *красивый—красивее*.

Системы оппозиций. Иногда изменение признака приводит не к нейтрализации одной или нескольких оппозиций, а к замене одной системы оппозиций другой. На фонематическом уровне к таким признакам относятся «гласный» и «согласный», каждый из которых связан с особой системой оппозиций, хотя среди них могут быть и общие, такие как «локальность» и «назальность». На морфологическом уровне такими признаками являются значения частей речи.

По Н. С. Трубецкому, различие гласных и согласных основывается, главным образом, на их акустических и артикуляторных, а не фонологических особенностях¹, но оно поддерживается также различием в системах оппозиций. Аналогично, различие между частями речи, прежде всего, лексико-семантического порядка, но оно поддерживается также различием в системах грамматических оппозиций. Поэтому части речи — лексико-грамматические группировки.

Внутри такой сложной части речи, как глагол, есть свои системы и подсистемы грамматических оппозиций. Они различают, прежде всего, так называемые личную и неличную системы глагола. Затем внутри «личной» системы можно выделить три подсистемы, именуемые наклонениями. Ведь системы оппозиций изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений очень сильно отличаются друг от друга. Внутри «неличной» системы имеются свои подсистемы. В современном английском языке их четыре: 1) инфинитив, 2) герундий, 3) причастие I, 4) причастие II. Для морфематики важно, что эти подсистемы имеют особые морфемы или словоморфемы²: *to*, *-ing*, *-en* и др.

Возникает вопрос о природе этих морфем и словоморфем. Они противостоят друг другу не сами по себе, а как представители целых группировок. Если учесть, что между этими группировками существуют семантические отношения, несколько напоминающие отношения между

¹ Основы фонологии. М., 1960, стр. 103.

² Б. С. Хаймович. Слова-морфемы як основа аналітичності англійської мови. — «Вісник Харківського університету», серія іноземних мов, вип. 1, 1966, стр. 51.

частями речи, благодаря чему герундий иногда называют глагольным существительным, а причастие — глагольным прилагательным, то станет ясно, что эти группировки не чисто грамматические. Естественно, семантические различия между герундием и причастием, находящимися внутри одной и той же части речи, меньше, чем между существительным и прилагательным. И если значения последних мы определяем как лексико-грамматические, то значения первых можно было бы, пользуясь принципом обозначений на компасе, определить как грамматико-грамматико-лексические. Иными словами, значения морфем *-ing*, *en* и словоморфемы *to* ближе к грамматическим, чем значения основообразовательных морфем, но все же чисто грамматическими их считать нельзя.

Формы морфем. Хотя формы морфем относятся к фонематическому уровню, они, благодаря соотносительности со значениями, имеют свои особенности. Мы, например, отмечали деление форм морфем на **положительные** и **нулевые**. Это деление вряд ли применимо к фонеме. Нулевая фонема — просто пауза, отсутствие фонемы. В этом смысле нулевая фонема противостоит любой фонеме и всем фонемам сразу. Нулевая же морфема, благодаря своему содержанию, участвует лишь в определенных оппозициях, как и положительная морфема.

Позиционное деление аффиксальных морфем на префиксы, суффиксы, инфиксы в первую очередь относится к форме, потому что содержание не линейно и не может находиться перед чем-то или после чего-то. Однако суффиксы отличаются от префиксов не только позицией формы.

Различение **слитных** (*s* в *shows*, *-er* в *longer*) и **раздельных** (*ha... n* в *has shown*) форм лежит в основе разграничения синтетических и аналитических морфем¹.

Лингвисты различают **добавляемые** (*additive*) и **заместительные** (*replacive*) формы морфем. В слове *wanted* форма грамматической морфемы *-ed* добавляется к форме лексической морфемы *want*. В слове *sang* форма грамматической морфемы, содержащей значение «прошедшее время», представляет собой замену гласной (*i*) формы лексической морфемы *sing* другой гласной (*ae*). Мы предпочли бы названия **статическая** (*-ed*) и **динамическая** (*i* → *ae*) формы.

Формы морфем можно также делить на **однородные** и **комбинированные**. Сопоставим инфинитив и причастие II следующих глаголов:

take [teik] — taken [teikn]
 drink [drɪŋk] — drunk [drʌŋk]
 drive [draɪv] — driven [drɪvn].

Если считать форму инфинитива исходной, то причастие II первой пары образовано с помощью статической морфемы (*n*), второй пары — с помощью динамической морфемы (*i* → *ʌ*), а третьей — с помощью комбинированной морфемы (*ai* → *i*) + (*n*).

Морфемы, как и фонемы, принято делить на **сегментные** и **супraseгментные**. Ударение может различать морфемы разных классов: лексические (*му́ка* — *мука́*), грамматические (*ру́ки* — *рукí*), лексико-грамматические (*tránsport* сущ. — *tránsport* глг.). Однако во всех этих случаях формы морфем состоят не из одного только ударения, а из сочетаний определенных сегментов с ударением. Скажем, *-и* без ударения соотносится с грамматическими значениями «множественное число + именительный падеж», а *-и́* с ударением — со значениями «единственное чис-

¹ Б. С. Хаймович. Об аналитической иерархии английского языка; В. Б. Андрунова. Об аналитических морфемах. — «Вестник Харьковского университета», серия иностранных языков, вып. 2, Харьков, 1969.

ло + родительный падеж». Таким образом, здесь не супraseгментные, а комбинированные формы морфем. Но нужно учесть, что в той же паре *мѹ́ка—мукá* ударность или неударность сегмента -а не оказывает влияния на передаваемые грамматические значения, а в паре *ру́ки—рукѹ́* незначимой оказывается ударность корневого сегмента. Объясняется это тем, что, как правило, ударение связано не с морфемой, а со словом, является свойством слова. Причем, дифференциальным признаком в словесных оппозициях является не наличие—отсутствие ударения, а место ударения в слове, о чем свидетельствуют и приведенные примеры.

Другие супraseгментные формы — интонация и так называемое логическое ударение — относятся к еще более высокому уровню языковой структуры. Они связаны с коммуникацией и являются свойством предложения. Кроме того, если их считать формами даже особых, супraseгментных, морфем, нарушится иерархия, ибо придется признать, что предложение «состоит» одновременно из слов и морфем.

Приходится отвергнуть также деление морфем на **связанные и свободные**. Позиционная свобода, даже относительная, — свойство формы слова, а не морфемы. Поэтому позиция слова, в отличие от позиции морфемы, может стать дифференциальным признаком. Ср. *stone wall* и *wall stone*. В тех случаях, когда значение морфемы относительно со свободной формой, мы имеем дело с промежуточной единицей — слово-морфемой.

Взаимодействие форм. Флективные языки, как известно, называются также фузионными. Фузия в плане выражения характеризуется чаще всего нечеткостью границ между формами соседних морфем, слиянием конца одной формы и начала другой. Например, в слове *expression* [iksprɛʃn] звук [ʃ] развившийся из сочетания конечного [s] корневой морфемы (-press-) и начального [j] суффикса (-ion), принадлежит одновременно обоим морфемам.

Но взаимодействие форм происходит не только на стыке морфем. Дифтонг [ei] сохраняется в корневой морфеме слов *native, natal, nation*, но добавление к последнему слову суффикса -al приводит к изменению [ei] в [ae]: *national, nationally, nationality, nationalism*. В результате — варианты корневой морфемы, столь характерные для русского языка: *бег-у, беж-ишь; лег-ли, ляг-ут, ляж-ет*.

На уровне слова форма морфемы — явление внутренней структуры языковой единицы, но на уровне морфемы это явление выходит за пределы внутренней структуры в область сочетаний единиц. Данная морфема имеет одну форму в сочетаниях с такими-то морфемами и другую форму в сочетаниях с иными морфемами. Если мы признаем, что эти разные формы соотносятся с одинаковым содержанием, то речь может идти либо об аллоформах одной и той же морфемы (речевых вариантах языкового инварианта), либо о синонимичных морфемах. Но в тождестве содержания мы далеко не всегда уверены. Если, например, считать, что в словах *отец, отцовский, отчий, отеческий* мы имеем дело с аллоформами одной морфемы [ОТЕЦ-], то как быть со словами *отечество* и *отчество*, где разница в значении связывается только с различием между *отч-* и *отеч-*?

Взаимодействие форм может иметь самое различное проявление, от гаплогонии, превратившей *минералологию* в *минералогию, знаменосца* в *знаменосца*, до сознательной контаминации, в результате которой *smoke* и *fog* слиты в *smog*, а сочетание *channel tunnel* превратилось в *chunnel*.

В английском языке достаточно широко распространено слияние типа *can + not = cannot = can't, shall + not = shan't, I + have = I've, she +*

+ is = she's и под. Неразделимы формы лексических и грамматических морфем в словах I, me, am, are, were и др.

О полном слиянии форм двух грамматических морфем можно говорить в словах типа boys', widows' (This cynical manoeuvre at the widows' expense is likely to boomerang. — D. W). Вопреки утверждениям Г. Н. Воронцовой¹, слово widows' содержит не только значение «множественное число», но и значение «притяжательный падеж», хотя бы потому, что этого требует выражение at somebody's expense. Обычно эти значения содержатся в отдельных морфемах. В слове boys, например, форма [z] передает только значение «множественное число», а в boy's — только «притяжательный падеж». В слове omen's каждое из этих значений образует отдельную морфему. Но два смежных [s] или [z] неизбежно сливаются. Только на письме (boys') каждое значение представлено отдельной формой.

В истории английского языка было немало случаев подобного слияния. У древнеанглийского глагола *fēdan*, например, форма причастия II была *fēdd* (корень *fēd-* и суффикс причастия *-d*). В XI веке долгий гласный *ē* сократился перед двумя согласными *-dd*, а в дальнейшем эти согласные слились, так что в слове *fed* современного английского языка звук [d] исторически является не только частью корня, но и слившейся с ним формой суффикса второго причастия. Только благодаря тому, что *fed* отличается от *feed* корневым гласным, считается, что формой морфемы второго причастия у этого глагола является чередование гласных. А в таком, скажем, глаголе, как *spread*, где чередования нет, формы полностью совпали, как в случае *students'*.

Форма морфемы может быть связана, конечно, не только с формой, но и с содержанием соседней морфемы, что ясно видно в таких, например, парах, как *сын—сыны* и *сын—сыновья*, *муж—мужи* и *муж—мужья*, *brother—brothers* и *brother—brethren*.

Повторяем, закономерности морфемосочетаний и взаимоотношения языковых инвариантов морфем с их речевыми вариантами (как в плане содержания, так и в плане выражения) еще недостаточно изучены. Многие другие вопросы, сравнительно хорошо описанные на уровне слова, мало исследованы на уровне морфемы, в частности, синонимия и омонимия, некоторые аспекты которых кажутся нам важными в рамках данной работы.

Омонимия и синонимия. Омонимия и синонимия, как предельно резкие нарушения «закона знака»² или, вернее, проявления относительной независимости планов содержания и выражения, возможны на всех высших уровнях языка, начиная с морфемы, хотя описаны они, в основном, на уровне слова.

Омонимия встречается у лексических морфем (*вод-и-ть*, *вод-а*), лексико-грамматических (*вечер-н-ик*, *стол-ик*), грамматических (*стен-а*, *стол-а*) и у морфем, относящихся к разным классам (*ок-о*, *нос-ок* *сосн-ов-ый*, *стол-ов*).

Синонимия также возможна у лексических морфем (*тащ-у*, *тян-у*), лексико-грамматических (*бел-изн-а*, *черн-от-а*), грамматических (*стол-ы*, *стул-ья*) и морфем разных классов (*of the student*, *the student's*).

Омонимические и синонимические группировки единиц — явление парадигматики языка, но факт соотносительности одной формы с несколькими значениями или нескольких форм с одним значением выявляется в синтагматике, в сочетаемости единиц в речи. Вопрос заключается лишь в размере диагностического окружения: какое минимальное окру-

¹ Очерки по грамматике английского языка, М., 1960, стр. 182.

² О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 109.

жение выявляет различие значений при тождестве форм, и в каком максимальном окружении значения разных форм остаются тождественными.

В паре *вода-водить* внутрисловная сочетаемость с определенными грамматическими и лексико-грамматическими морфемами оказывается диагностической для выявления омонимии лексических морфем *вод*⁻¹ и *вод*⁻², а в случаях *топить печь*, *топить воск*, *топить щенка* внутрисловная сочетаемость уже не диагностична для выявления трех омонимичных лексических морфем *топ*-. Требуется более широкое окружение, включающее другие лексические морфемы. Омонимия грамматических морфем тоже обычно разрешается внутри слова, если другие морфемы не совпадают (ср. *-а в стола* и *несла*) и вне слова, если совпадают (напр., *-и в боли*: род., дат., предл.).

Степень синонимичности лексических морфем *тащ*- и *тян*- определяется параллельностью их употреблений (их взаимозаменяемостью) в окружениях типа *тащу*, *тяну его*, *сани*, *сети*, *обеими руками*, *изо всех сил*, *назад*, *за руку*, *за веревку*, *к окну*, *на танцы* и непараллельностью в окружениях типа *тяну* (но не *тащу*) *время*, *службу*, *чью-либо сторону* и т. п. Поскольку сочетаемость каждой лексической морфемы сугубо индивидуальна и открыта, трудно определить четкие границы лексической синонимии.

С синонимией грамматических морфем дело обстоит иначе. Скажем, грамматические морфемы *-ов* (*столов*), *-ей* (*зверей*), нуль (*книг*) синонимичны, поскольку эти разные формы соотносятся с одним и тем же содержанием: множественное число + родительный падеж. Но их синонимия определяется, во-первых, не параллельностью, а последовательностью (если использовать термины электротехники), дополнительной употреблением, во-вторых, внутрисловной сочетаемостью. При лексической морфеме *стол*- может быть только *-ов*, а не *-ей* или нуль, при лексической морфеме *стен*- только нуль, а при *мыш*- только *-ей*. Вместе же синонимические морфемы со значениями: множественное число + родительный падеж — охватывают все слова, имеющие данные значения. Отсюда закрытость и четкость границ употребления или окружения синонимических грамматических морфем.

На различие между описанными выше случаями лексической и грамматической синонимии можно взглянуть иначе. Параллелизм употребления лексических синонимов редко распространяется на абсолютно все возможные окружения, поэтому абсолютные лексические синонимы крайне проблематичны. А вот абсолютная последовательность или дополнительность грамматических синонимов — вещь совсем не редкая. Здесь абсолютные синонимы узуальны, а не окказиональны. Так что обычно говорят даже не о синонимах, а о тождественных грамматических значениях, выраженных, например, *-ов*, *-ей* и нулем. Поэтому речь идет не о трех синонимичных морфемах, а о трех формах одной морфемы, которые связаны дополнительной дистрибуцией.

Противопоставление лексической (параллельной) и грамматической (последовательной) синонимии снимается в случае так называемого супплетивизма. Если считать, что в словах *иду* и *шел* содержится одно и то же лексическое содержание, то лексические морфемы *ид*- и *ше*- в этих словах синонимичны. Но это не свойственная лексическим морфемам параллельная синонимия, а характерная для грамматических морфем последовательная, дополнительная синонимия, которая может рассматриваться как дополнительная соотносительность форм *ид*- и *ше*- при тождественном лексическом значении. Иными словами, здесь можно говорить об аллоформах одной лексической морфемы с таким же правом, с каким говорят об аллоформах *-еп* и *-s* одной грамматической морфемы со значением множественного числа. Различие, однако, заклю-

чается в том, что у лексических морфем подобная дополнительная соотносительность форм возможна только в сопровождении дополнительной соотносительности грамматических значений, в данном случае (*иду—шел*), настоящего и прошедшего времени. В других случаях те же морфемы могут иметь обычную параллельную синонимию. Ср. *идет* и *ше-стует*, а также *человек* — *люди* и *человеческий* — *людской*.

Одновременная дополнительная соотносительность лексических и грамматических морфем нередко приводит к слиянию их форм, как в случае *am*, *age*, *wege*. Но это слияние не распространяется на содержание. Грамматические значения морфем выявляются с помощью оппозиций так же четко, как и в других случаях, так что в плане содержания — это обычные сочетания лексических и грамматических морфем, если, конечно, не потеряно лексическое значение.

Лексико-грамматические морфемы занимают в вопросах синонимии (как и во многих других) промежуточное положение. Здесь мы сталкиваемся и с явлениями дополнительной внутрисловной дистрибуции (*чит-а-ть*, *сид-е-ть*, *говор-и-ть*), и с параллельной синонимичностью (*катастрофич-н-ый* = *катастрофич-еск-ий*, *гипотетич-н-ый* = *гипотетич-еск-ий*, но *лич-н-ый* без* *лич-еск-ий* и *враж-еск-ий* без* *враж-н-ый*), и с внесловной сочетаемостью (*интеллигент-ск-ие нравы*, но *интеллигент-н-ый человек*).

Количество граммем в слове. Сколько грамматических морфем может быть в одном слове? В агглютинативных языках, где каждая грамматическая морфема имеет только одно значение, грамматических морфем столько, сколько грамматических значений. А в индоевропейских флективных языках, где содержание грамматической морфемы — граммема — может представлять собой целый пучок значений? Казалось бы, здесь слово может обойтись одной грамматической морфемой, но это не так. Во-первых, не все грамматические морфемы многозначны и в индоевропейских языках. В слове *мойтесь*, например, сегмент *-те-* выражает только одно значение множественного числа, а сегмент *-сь* — только значение возвратного залога, вследствие чего говорят об агглютинации в русском языке. Во-вторых, даже многозначная грамматическая морфема может не исчерпать всех грамматических значений слова.

Возьмем, например, английское слово *asks*. Оно является членом следующих грамматических оппозиций:

- asks* — (1) *ask* (лицо),
- asks* — (they) *ask* (число),
- asks* — *asked* — *will ask* (время),
- asks* — *should ask* — *ask!* (наклонение),
- asks* — *is asked* (залог),
- asks* — *is asking* (вид),
- asks* — *has asked* (временная отнесенность).

Можем ли мы сказать, что все 7 грамматических значений, выявляемых этими оппозициями в слове *asks*, содержатся в грамматической морфеме *-s*?

В оппозициях лица и числа положительная морфема *-s* противопоставлена нулевым морфемам первого лица и множественного числа, из чего ясно, что значения третьего лица и единственного числа действительно выражаются формой морфемы *-s*. В оппозиции времени морфема *-s* противостоит морфеме прошедшего времени *-ed* и словоморфеме будущего времени *will*, что выявляет в морфеме *-s* значение настоящего времени.

Значение изъявительного наклонения выявляется в морфеме *-s* противопоставлением нулевой морфеме повелительного и словоморфеме сослагательного наклонения. Но в оппозициях залога, вида и временной

отнесенности **каждый** член имеет морфему -s со значениями третьего лица, единственного числа, настоящего времени, изъявительного наклонения. И поскольку морфема -s содержится, скажем, в члене оппозиции со значением действительного залога и в члене оппозиции с противоположным значением страдательного залога, она нейтральна к залоговым значениям, не содержит их.

В какой же тогда морфеме содержится свойственное слову *asks* значение действительного залога? Совершенно очевидно, что в залоговой оппозиции маркирован только один член со значением страдательного залога. Второй же член оппозиции со значением «не-страдательный (действительный) залог» не маркирован. Это значение передается отсутствием положительной формы, т. е. нулевой формой.

Аналогичные рассуждения приводят к выводу, что и «недлительность» и «неперфектность» передаются в слове *asks* нулевой формой. Конечно, нет необходимости постулировать три нулевые формы. Подобно тому, как одна положительная форма -s передает 4 грамматических значения, одна нулевая форма может передать остальные грамматические значения слова *asks*. Следовательно, в слове *asks* не одна грамматическая морфема, а две: положительная и нулевая. В слове *писала* три грамматические морфемы: морфема -л- содержит значение прошедшего времени, 2) морфема -а содержит значения женского рода и единственного числа, 3) нулевая морфема содержит значения несовершенного вида (*писала-написала*), действительного залога (*писала-писалась*), изъявительного наклонения (*писала-писала бы*).

Граммемы слов и морфем. Из предыдущего ясно, что грамматические значения слова и значения грамматической морфемы слова вовсе не одно и то же. Каждая грамматическая морфема имеет свой пучок грамматических значений (граммему), а в слове таких морфем может быть несколько. Как же соотносятся граммема слова и граммемы его морфем? Приведенные примеры показывают, что граммема слова равна сумме граммем его морфем. В самом деле, граммема слова *asks*, состоящая из 7 грамматических значений, равна сумме граммем его двух грамматических морфем: 4 значения морфемы -s + 3 значения нулевой морфемы. То же самое мы имеем в слове *писала*: $6 = 1 + 2 + 3$.

С другими морфемами дело обстоит совсем иначе. В отношении лексико-грамматических (основообразовательных) морфем можно сослаться на А. А. Реформатского, который наглядно показывает, как один суффикс «стирает» другой: «от производной основы прилагательного [зл-] можно образовать присоединением суффикса [-ост'] существительное *злость...*; от основы [злост'] присоединением суффикса [-н] образуется прилагательное *злостный*, от основы которого [злостн-] можно опять образовать существительное посредством уже употребленного ранее суффикса [ост']... Все это происходит потому, что реально значит последний суффикс...»¹.

Значения лексических морфем тоже обычно не суммируются в слове. Скажем, лексическое значение английского слова *forget-me-not*, как и его русского эквивалента *незабудка*, конечно, не является суммой его лексических морфем.

Суммирование морфемных граммем в слове — результат уже отмеченной устойчивости грамматических значений в языке и речи.

Объем граммемы. Мы будем называть количество значений в граммеме ее **объемом** (или **мощностью**). Описанное выше свойство морфемных граммем суммироваться в словесной граммеме может быть использовано для уточнения объема морфемной граммемы. Допустим, для

¹ А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1967, стр. 273.

выяснения объема граммемы, выражаемой в слове *зови* формой *-и*, нам нужно знать, входит ли в ее состав значение единственного числа. Отрицательный ответ будет подсказан следующим обстоятельством. Если бы значение единственного числа входило в граммему, соотносительную с *-и*, то в граммеме слова *зовите* оказались бы, вследствие суммирования, исключаящие друг друга значения единственного и множественного числа, что невозможно. Но так как связь *-те* с множественным числом несомненна, приходится отрицать связь *-и* с единственным числом.

Граммема слова *зови* обладает объемом, по крайней мере, в четыре прямых значения: единственное число (*зови—зовите*), повелительное наклонение (*зовешь—зови—звал бы*), несовершенный вид (*зови—позови*), действительный залог (*зови—зовись*). Как видим, форма *-и* выражает только одно из них — повелительное наклонение. Остальные три значения передаются не *-и*, которые имеются у всех членов соответствующих оппозиций, а нулевой формой. Как обычно, мощность словесной граммемы равна сумме мощностей морфемных грамем: $4=3+1$. Оговорки «по крайней мере» и «прямых» в начале этого абзаца понадобились по следующим соображениям.

Многие лингвисты считают, что в парадигму повелительного наклонения входит оппозиция лица:

первое лицо — *пойдем, пойдёмте*,

второе лицо — *пойди, пойдите*,

третье лицо — *пусть пойдёт, пусть пойдут*.

Если это так, то мощности грамем слова *зови* и морфемы *-и* увеличиваются на одно значение второго лица. Но нам эта оппозиция «лица» представляется сомнительной.

Во-первых, оппозиция *пойдем—пойдёмте*, как и оппозиция *пойди—пойдите*, различает единственное и множественное число не первого, а второго лица¹, которое, таким образом, является основным не только для *пойди, пойдите*, но и для *пойдем, пойдёмте*. Различие между *пойдите* и *пойдёмте* не в противопоставлении второго лица первому, а в противопоставлении «чисто второго» (или «второго с добавлением третьего») «второму с добавлением первого»; а в единственном числе для «чисто второго лица» *пойди* нет и такого противочлена, «с добавлением первого лица». В изъявительном наклонении совсем иначе. Там, прежде всего, имеются слова типа *пишу, люблю* с «чистым» значением первого лица, которых нет в повелительном наклонении. Но даже у слов типа *пойдем, принесем* основным компонентом значения лица является «я». Это может быть «я и ты», «я и вы», «я и он», «я и она», «я и они», но обязательно «я», а другие компоненты — в зависимости от обстоятельств. Поэтому справедливо в оппозиции *пойдем—пойдете—пойдут* видеть противопоставление первого, второго и третьего лица.

Во-вторых, для граммемы третьего лица, повелительного наклонения еще не выработана стандартная соотносительная форма, о чем свидетельствуют такие варианты, как *пусть будет так, пускай будет так, да будет так*. Кроме того, само значение «повелительности» здесь носит особый характер: «говорящий не выражает свою волю (в различных ее оттенках) непосредственно тому лицу, которое должно выполнить действие, а передает ее через посредство собеседника, сообщает собеседнику, например: *скажи ему, пусть он придет*»². Формула значения лица здесь не «второе+третье», а «третье через второе», т. е. компоненты не одновременны, а как бы последовательны.

¹ Грамматика русского языка, т. I. АН СССР, 1953, стр. 499.

² Там же, стр. 498.

Поэтому мы считаем, что *зови* не является членом грамматической оппозиции лица и, следовательно, не имеет прямого значения второго лица, как, например, *зовешь*. Но поскольку *зови*, как и *зовешь*, обычно обращено к собеседнику и может сочетаться с *ты*, оно имеет по аналогии косвенное значение второго лица. Подобным же образом выявляется у слова *зови* косвенное значение будущего времени, поскольку говорящий относит действие к моменту после акта речи, а не до него, и поскольку *зови* сочетается с выражениями типа *через 5 минут, завтра*, но не с *вчера, 5 минут тому назад*, т. е. аналогично слову *позовешь* с прямым значением будущего времени.

В дальнейшем, при исчислении мощности морфемной граммемы, мы не будем учитывать косвенных значений, исходя из следующего.

Косвенные значения. Слово *молоко* имеет косвенное значение единственного числа потому, что похоже на слово *окно, лицо* с прямым, т. е. оппозитивным значением единственного числа (*окно—окна, лицо—лица*) в двух отношениях: 1) формой морфемы *-о*, 2) сочетаемостью со словами, имеющими прямое значение единственного числа; *молоко*, как и *окно, лицо*, сочетается со словом *хорошее*, но не с *хорошие*, со словом *нравится*, но не с *нравятся*. Поскольку эти 2 признака совпадают, мы можем соотносить косвенное значение единственного числа у слова *молоко* с формой морфемы *-о*. Но эти признаки не всегда совпадают.

По форме морфемы *-s* английское существительное *pews* (не имеющее противочлена *new*) похоже на слово *views* (имеющее противочлен единственного числа *view*). По этому признаку *pews* должно иметь косвенное значение множественного числа, как, например, *trousers—брюки*. Но *views* сочетается со словами, имеющими прямое значение множественного числа, — *these, are* и т. п., а *pews* сочетается со словами, имеющими прямое значение единственного числа, — *this, is* и подобные. По этому признаку *pews* имеет косвенное значение единственного числа. Какому же признаку отдать предпочтение, форме морфемы или сочетаемости?

Очевидно, нужно учесть, что сочетаются непосредственно сами значения, в то время как формы морфем лишь соотносительны со значениями. Совпадение самих значений, естественно, убедительнее совпадения соответствующих им сегментов плана выражения. Поэтому, вопреки форме *pews* имеет косвенное значение единственного числа, а слово *cattle—скот*, напоминающее по форме (отсутствию *-s*) *kettle—чайник*, а не *kettles—чайники*, имеет косвенное значение множественного числа, потому что, подобно *kettles*, сочетается со словами *these, are, were* с прямым значением множественного числа. Чем же объясняется это расхождение между формой морфемы и сочетаемостью?

Как мы знаем, оппозитивность — важнейший признак грамматического значения. Косвенное значение, лишенное оппозитивности, фактически является не грамматическим, а лексико-грамматическим, лишь **похожим** на грамматическое в некоторых отношениях. Морфема *-s* в слове *pews* не флексия, а основообразовательный суффикс, как морфема *-ой* (развившаяся из флексии) у наречия *зимой*. Косвенное значение единственного числа у существительного *pews* связано не с морфемой *-s*, а со всей основой. Отсюда расхождение между формой морфемы и сочетаемостью слова. Но раз косвенные значения могут быть связаны не с определенной морфемой, а со всей основой, их можно приравливать к граммеме слова, но не к граммеме морфемы. Правило суммирования на них не распространяется.

Считаем, однако, нужным подчеркнуть, что между косвенными и прямыми грамматическими значениями существует теснейшая связь. Некоторые черты этой связи представляются особенно важными.

1. В языке могут быть только такие косвенные значения, которые являются аналогами существующих в этом языке прямых грамматических значений.

2. Аналогичные косвенные и прямые грамматические значения в большинстве случаев объединяют слова одной части речи.

3. Определенные косвенные значения обычно сочетаются с определенными прямыми грамматическими значениями, как внутри слова или даже внутри морфемы (например, в слове *зови* косвенные значения второго лица и будущего времени связаны с прямым грамматическим значением повелительного наклонения, выраженным формой морфемы *-и*), так и вне слова (например, в предикации *снег (он) идет* косвенное или лексико-грамматическое значение третьего лица в словах *снег, он* сочетается с прямым грамматическим значением третьего лица морфемы *-ет* слова *идет*).

Задержимся на последнем примере. Значение лица относится к так называемым субъективно-объективным: оно соотносится с реальностью, но это соотношение устанавливается каждым говорящим индивидуально. Первым лицом говорящий считает себя (одного или с кем-нибудь), вторым лицом — собеседника (одного или с кем-нибудь, но без говорящего), третьим лицом — всех, кто (или все, что) не участвует в данном акте речи.

Значения лица являются грамматическими в такой, например, оппозиции: *иду-идешь-идет*. Здесь тождественное лексическое значение, соотносительное с корнем *ид-*, сочетается с пучками грамматических значений, соотносительными с формами *-у, -ешь, -ет*. Единственной переменной величиной этих пучков является значение лица, благодаря чему и на уровне слова (*иду, идешь, идет*), и на уровне морфемы (*у, -ешь, -ет*) указанные три единицы образуют только грамматическую оппозицию лица с выделением прямых грамматических значений первого, второго и третьего лица.

Но значения лица (как и другие значения) могут быть не только грамматическими. У слов *я, ты, он* значения первого, второго и третьего лица соотносительны с корнями этих слов и являются, следовательно, лексическими значениями. Но поскольку *я* сочетается с прямым грамматическим значением первого лица, *ты* — с прямым грамматическим значением второго лица, *он* — с прямым грамматическим значением третьего лица, мы можем признать у слов *я, ты, он* косвенно грамматические или лексико-грамматические значения лица. И поскольку все существительные сочетаются только с прямым грамматическим значением третьего лица, они также имеют косвенное, лексико-грамматическое, значение третьего лица.

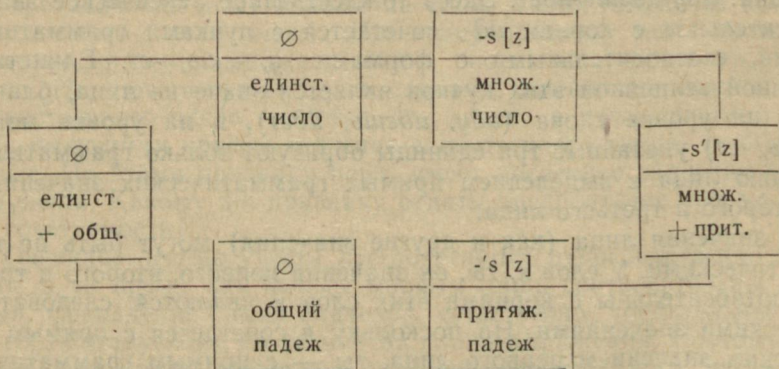
Известно, что на уровне предложения значение лица — один из компонентов предикативности. Оно связано с членами предикации: подлежащим и сказуемым. Лексико-грамматическое значение лица имеется только у тех слов, которые выступают в функции подлежащего. В русском языке — это обычно слова со значением именительного падежа. Поэтому в предикациях *снег идет, он идет* лексико-грамматическое значение третьего лица сочетается не только с аналогичным прямым грамматическим значением в слове *идет*, но и с грамматическим значением «именительный падеж» в самих словах *снег* и *он*.

Морфемные грамемы английского существительного. Попытаемся теперь описать грамемы современного английского языка на морфемном уровне. По мотивам, изложенным выше, будем рассматривать их по частям речи. Начнем с существительного. На словесном уровне

у английского существительного 13 двузначных граммем¹. На морфемном уровне граммем всего 6. Это объясняется, прежде всего, тем, что на морфемном уровне мы не учитываем косвенных значений, которые обычно относятся не к определенной морфеме, а ко всему слову. Кроме того, в большинстве случаев значения числа и падежа в английском языке передаются разными формами, т. е. относятся к разным морфемам.

Все 6 морфемных граммем содержатся в парадигме типа boy—boys—boy's—boys'. В слове boy двузначная граммема «единственное число+общий падеж» выражена нулевой формой. В слове boys однозначная граммема «множественное число» выражена формой -s [z] и однозначная граммема «общий падеж» выражена нулевой формой. В слове boy's однозначная граммема «притяжательный падеж» выражена формой -'s [z], а однозначная граммема «единственное число» — нулевой формой. Наконец, в слове boys' двузначная граммема «множественное число+притяжательный падеж» выражена формой -s' [z]. Конечно, если ограничиться письменной формой, можно было бы сказать, что в слове boys' две однозначные граммеы: множественное число выражено -s, а притяжательный падеж — апострофом. Но решает звуковая форма.

Схематически взаимоотношения этих шести граммем и соотносительных с ними форм можно представить так:

Естественно, такое богатство граммем наблюдается не у всех существительных. Парадигма существительного book состоит всего из двух членов: book—books. Здесь имеются только 2 однозначные граммеы: единственное число и множественное число. Первая соотносится с нулем, вторая — с положительной формой -s [s]. У существительного milk вовсе нет грамматической морфемы. У существительного ox нет двузначной граммеы «множественное число+притяжательный падеж». Вместо этого в слове oxen's сочетаются две однозначные граммеы: множественное число (соотносится с формой -en-) и притяжательный падеж (соотносится с -'s).

Разнообразие соотносительных форм не одинаково для каждой из названных граммем. Граммема «общий падеж» всегда выражена нулем. Граммема «единственное число» — почти всегда. Исключения — ряд заимствованных и еще не полностью ассимилированных существительных, у которых сохранились положительные экспоненты для обоих чисел: -um/-a² (datum—data), -on/-a (phenomenon—phenomena), -us/-i

¹ ВЯ, 1968, № 6, стр. 33.

² По техническим причинам даем графические формы.

(stimulus—stimuli), -a/-ae (formula—formulae) и др. Процесс ассимиляции таких существительных включает замену положительной формы морфемы единственного числа нулевой. Прежняя флексия при этом становится основообразующим суффиксом. К образованной таким способом основе добавляется флексия -s множественного числа вместо прежней, заимствованной флексии. Например, у заимствованной пары *memorandum*—*memoranda* основа *memorand-*, флексия единственного числа —*um*, множественного —*a*; в процессе ассимиляции основой становится *memorandum*, формой морфемы единственного числа — нуль, множественного — *s* вместо прежней -*a* (*memorandums*).

Стандартным экспонентом граммемы «множественное число» является -(e)s. Другие формы связаны лишь с небольшими группами лексических морфем или даже с единичными лексическими значениями. Среди них имеются статистические формы (-en, -a, -i, -ae и др.), динамические (напр., -oo->-ee: *feet*—*foot*) и комбинированные (напр., -f->-v-+s; *wives*—*wife*; -o->-e-+e->-+en: *brethren*—*brother*).

У существительных *sheep*, *deer* нет положительного экспонента граммемы «множественное число». Возникает вопрос, можно ли в таких случаях вообще говорить об оппозиции? Нельзя ли сказать, что в предложениях *The sheep are grazing* и *The cattle are grazing* слова *sheep* и *cattle* в равной мере имеют косвенные, лексико-грамматические значения множественного числа вследствие сочетаемости с *are*? Но тогда в предложении *The sheep is grazing* (*The cattle is grazing* невозможно) придется допустить на тех же основаниях (сочетаемость с *is*) косвенное значение единственного числа. Следовательно, мы не можем уйти от оппозиции «единственное—множественное» число и вынуждены признать эти значения оппозитивными, т. е. грамматическими. Но поскольку у обоих значений нулевой экспонент, возникает проблема омонимии, которая, как мы знаем, может быть решена только на словесном уровне. Там же придется решать задачу отграничения существительных типа *sheep* от существительных типа *family*, у которых как бы два противочлена множественного числа: 1) с нулевой флексией (*the family are...*), 2) с положительной флексией (*the families are...*).

Стандартным экспонентом граммемы «притяжательный падеж» является 's. Своеобразие этой граммемы заключается в том, что она имеет не только внутрисловную, но и внесловную направленность. Она, как правило, связывает два слова класса *N*, образуя структуру *N₁'sN₂*. Стандартность и легкая выделяемость экспонента 's позволяет ему некоторую свободу передвижения между *N₁* и *N₂*. Между 's и *N₂* помещаются обычно только определители к *N₂*, в то время как определители к *N₁* допускаются между *N₁* и 's (*The king of England's beautiful daughter*).

Морфема 's может из грамматической превратиться в лексико-грамматическую (*at the grocer's*). Она тогда становится частью основы, приобретает «локальное» значение, теряет грамматическое значение падежа и внесловную сочетаемость с *N₂*.

Особенности некоторых глагольных морфем. Прежде чем описывать сложную систему глагольных грамматических морфем, остановимся на некоторых специфических случаях. Начнем со слов *to be*, *be*, *being*, *been*, *am*, *is*, *are*, *was*, *were*, относящихся к одной и той же лексеме, благодаря тождественному лексическому значению «бытия». Обычно общее значение лексемы соотносится с формой основы или корня. Здесь же корневая морфема -be- выделяема только в словах *to be*, *be* (сослагательное и повелительное наклонения), *being* (герундий и причастие) и *been*. В остальных словах, благодаря супплетивности, форма лексической морфемы более или менее слита с формой грамматической морфемы.

№	Слова-лексемы	Залог		Порядок		Вид		Лицо		
		страдат.	не страдат.	перфект	не перфект	длительн.	не длительн.	первое	второе	третье
1	ask (They ask questions)		○		○		○			
2	ask (I demand that he ask)		○				○			
3	ask (Ask his name)		○				○			
4	asked		○		○		○			
5	asked		○		○		○			
6	asks		○		○		○			s
7	shall ask		○		○		○	sha		
8	will ask		○		○	BE—		am	wi	
9	am asking		○		○	—ING				
10	is asking		○		○	"				is
11	are asking		○		○	"				
12	was asking		○		○	"				
13	were asking		○		○	"				
14	will be asking		○		○	"			wi	
15	shall be asking		○		○	"		sha		
16	should ask		○		○		○	shoul		
17	should ask		○		○		○	shoul		
18	should ask		○		○		○			
19	would ask		○		○		○		woul	
20	would ask		○		○		○		woul	
21	should be asking		○		○	BE—		shoul		
22	should be asking		○		○	—ing		shoul		
23	should be asking		○		○	"				
24	would be asking		○		○	"			woul	
25	would be asking		○		○	"			woul	
26	were asking		○		○	BE—				
27	have asked		○	ha—		—ed				
28	has asked		○	"		"				s
29	had asked		○	"		"				
30	had asked		○	"		"				
31	will have asked		○	"		"			wi	
32	shall have asked		○	"		"		sha		
33	would have asked		○	"		"			woul	
34	would have asked		○	"		"			woul	
35	should have asked		○	"		"		shoul		
36	should have asked		○	"		"		shoul		
37	should have asked		○	"		"				
38	have been asking		○	"		BE—				
39	has been asking		○	"		—ing				s
40	had been asking		○	"		"				
41	had been asking		○	"		"				
42	will have been asking		○	"		"			wi	
43	shall have been asking		○	"		"		sha		
44	would have been asking		○	"		"			woul	
45	would have been asking		○	"		"			woul	
46	should have been asking		○	"		"		shoul		
47	should have been asking		○	"		"		shoul		
48	should have been asking		○	"		"				

не 3 ед.	Число		Время			Наклонение			Следование		Колич. грам. морфем	Объем слов. граммемы	Объемы морфемных граммем
	единствен.	множеств.	настоящее	прошедшее	будущее	изъявит.	сослагат.	повелит.	абсолюти.	относит.			
Ø			Ø			Ø					1	6=6	
											1	3=3	
											1	3=3	
				ed		ed		Ø			2	5=3+2	
	s		s			s					2	4=3+1	
					'11	'11					2	7=3+4	
	am		am		'11	'11			Ø		3	7=4+1+2	
	is		is			am			Ø		3	7=4+1+2	
	was	are	are			is					3	7=2+1+4	
		were	are			are					3	6=2+1+3	
				were		was					3	6=2+1+3	
					'11	'11			Ø		3	6=2+1+3	
					'11	'11			Ø		4	7=3+1+1+2	
						'd				'd	4	7=3+1+1+2	
						'd				'd	3	6=3+1+2	
						'd				'd	3	5=3+1+1	
						'd				'd	2	4=3+1	
						'd				'd	3	6=3+1+2	
						'd				'd	3	5=3+1+1	
						'd				'd	4	6=2+1+1+2	
						'd					4	5=2+1+1+1	
						'd				'd	3	4=2+1+1	
						'd				'd	4	6=2+1+1+2	
						'd				'd	4	5=2+1+1+1	
						were					3	4=2+1+1	
ve			ve			ve					3	6=2+1+3	
	s		s			s					3	7=2+1+4	
				d		d					3	5=2+1+2	
					'11	'11					3	4=2+1+1	
					'11	'11			Ø		4	7=3+1+1+2	
						'd			Ø		4	7=3+1+1+2	
						'd				'd	4	6=2+1+1+2	
						'd				'd	4	5=2+1+1+1	
						'd				'd	4	6=2+1+1+2	
						'd				'd	4	5=2+1+1+1	
						'd				'd	3	4=2+1+1	
ve			ve			ve					4	6=1+1+1+3	
	s		s			s					4	7=1+1+1+4	
				d		d					4	5=1+1+1+2	
					'11	'11					4	4=1+1+1+1	
					'11	'11			Ø		5	7=2+1+1+1+2	
						'd			Ø		5	7=2+1+1+1+2	
						'd				'd	5	6=1+1+1+1+2	
						'd				'd	5	5=1+1+1+1+1	
						'd				'd	5	6=1+1+1+1+2	
						'd				'd	5	5=1+1+1+1+1	
						'd				'd	4	4=1+1+1+1	

№	Слова-лексемы	Залог		Порядок		Вид		Лицо		
		страдат.	не страдат.	перфект	не перфект	длительн.	не длительн.	первое	второе	третье
49	am asked	BE— —ed			∅		∅	am		
50	is asked	"			∅		∅			is
51	are asked	"			∅		∅			
52	was asked	"			∅		∅			
53	were asked	"			∅		∅			
54	were asked	"			∅		∅			
55	shall be asked	"			∅		∅	sha		
56	will be asked	"			∅		∅			wi
57	should be asked	"			∅		∅	shoul		
58	should be asked	"			∅		∅	shoul		
59	should be asked	"			∅		∅			
60	would be asked	"			∅		∅			woul
61	would be asked	"			∅		∅			woul
62	am being asked	"			∅	BE— —ing		am		
63	is being asked	"			∅	"				is
64	are being asked	"			∅	"				
65	was being asked	"			∅	"				was
66	were being asked	"			∅	"				
67	were being asked	"			∅	"				
68	has been asked	"		ha— —ed			∅			s
69	have been asked	"		"			∅			
70	had been asked	"		"			∅			
71	had been asked	"		"			∅			
72	shall have been asked	"		"			∅	sha		
73	will have been asked	"		"			∅			wi
74	should have been asked	"		"			∅	shoul		
75	should have been asked	"		"			∅	shoul		
76	should have been asked	"		"			∅			
77	should have been asked	"		"			∅			woul
78	would have been asked	"		"			∅			woul
79	to ask		∅		∅	be— —ing				
80	to be asking		∅		∅		∅			
81	to be asked	be— —ed			∅		∅			
82	to have asked		∅	ha— —ed			∅			
83	to have been asking		∅	"		be— —ing				
84	to have been asked	be— —ed		ha— —ed			∅			
85	asking (gerund)		∅		∅					
86	asking (partic.)		∅		∅					
87	having asked		∅	ha— —ed						
88	having asked		∅	"						
89	having been asked	be— —ed		"						
90	having been asked	"		"						

№	Слова-лексемы	Залог		Порядок		Вид		Лицо		
		страдат.	не страдат.	перфект	не перфект	длительн.	не длителн.	первое	второе	третье
91	being asked	be— —ed			∅					
92	being asked	"			∅					
93	asked	"								
94	be asking					be— —ing				
95	be asking					"				
96	be asked	be —ed								
97	be asked	"								

Можно, конечно, пытаться расщепить формы отдельных слов, считая, например, что в слове *is* форма *-i* соотносительна с лексическим значением, а форма *-s* с грамматическим. Но, во-первых, такое расщепление невозможно, например, в слове *are* (а:). Во-вторых, поскольку мы занимаемся граммами, нас в первую очередь интересует не форма морфем, а их содержание. А с точки зрения содержания во всех этих словах сочетается одна и та же лексическая морфема с разными грамматическими. Если обозначить эту лексическую морфему [BE-], то грамматические морфемы названных слов могут определяться вычитанием морфемы [BE-] из данного слова, т. е. грамматическая морфема слова *are* = *are* — [BE-], слова *am* = *am* — [BE-] и т. д.

Далее, о словоморфемах *shall* и *will*. Традиционно их считают вспомогательными глаголами будущего времени. Но фактически будущее время передается только частью этих форм, а именно, 'll. (I'll cut it. We'll watch our chance. He'll go up to bed. Somebody 'll pick up Imogen. It 'll be a scandal. There 'll be war. That 'll never do. The war 'll be over. When 'll it come on? (Из Голсуорси).

Остальная часть *shall* и *will* используется, хотя не всегда последовательно, для различения первого лица и не-первого лица. Поэтому будем считать, что *shall* и *will* содержат по две грамматические морфемы¹. Аналогично, в словоморфемах *should* и *would* обычно только 'd передает значение так называемого будущего в прошедшем, или относительного следования² (I thought I'd tell you. I had no idea she'd come so soon. I always knew she'd have trouble with him. (из Голсуорси) или, в ином окружении, значение сослагательного наклонения (I wish you'd tell them. I'd love to help her. You'd never know, would you? If she were to make a sign, he'd be off his bargain to-morrow (из Голсуорси), остальная часть этих форм в большинстве случаев различает первое и не-первое лицо.

Разумеется, в тех случаях, когда словоморфема *should* со значением сослагательного наклонения не противостоит *would* и употребляется

¹ Это, конечно, не относится к изменившимся при слиянии с отрицанием формам [s: nt] и [wount].

² Б. С. Хаймович и Б. И. Роговская. Указ. раб., стр. 146.

Продолжение

Число			Время			Наклонение			Следование		Колич. грам. морфем	Объем слов. грам. морфем	Объемы морфемных граммем
не 3 ед.	единствен.	множест.	настоящее	прошедшее	будущее	изъявит.	сослагат.	поведит.	абсолютн.	относит.			
											2	2=1+1	
											2	2=1+1	
									∅		0	0	
											2	2=1+1	
								∅			2	2=1+1	
									∅		2	2=1+1	
								∅			2	2=1+1	

Примечание. Последние 4 слова встречаются так редко, что некоторые лингвисты вообще отрицают их существование. Так, Р. Лиз и Е. Клайма считают, что сослагательное наклонение не сочетается с длительным видом, и нельзя сказать *Be doing it!*¹. Однако такие предложения встречаются. Например, *And don't be doing any work when he calls, or he'll know you are lying. (Punch).* А вот предложение с пассивным императивом: *Advance and be recognized!* (уставное приказание часового). Предложение с пассивным сослагательным: *Mr. Radley conceded but insisted that Boo not be charged with anything. (H. Lee).*

для всех лиц, она не содержит морфемы лица. По тем же соображениям придется различать две морфемы не только в *ha-s*, но и в *ha-ve* (*I've, you've*). В этом случае *-s* противостоит *-ve* как третье лицо единственного числа не-третьему — единственному.

О морфемах неличных систем глагола (*to, -ing, -en* и др.) мы уже говорили. Они не будут значиться среди грамматических морфем. Поэтому у причастия II, не имеющего никаких противочленов, нет ни одной грамматической морфемы.

Мы специально не останавливаемся на глагольных аналитических морфемах, потому что о них говорится в статьях предыдущего сборника² «Аналитическая иерархия английского языка» и «Об аналитических морфемах». Скажем только, что в английском языке имеются аналитические морфемы страдательного залога с прерывистой формой [*BE-...-EN*], длительного вида с прерывистой формой [*BE-...-ING*] и перфекта с прерывистой формой [*BE-...-EN*]. Как видим, все они однозначны.

Примечание. I. *Asked* в предложениях *I asked him about John* и *If you asked him, he would answer* считаются омонимами, т. е. разными словами, потому что они содержат разные значения. Первое *asked* имеет значения изъявительного наклонения и прошедшего времени, а второе — значение сослагательного наклонения без значения времени. Аналогично *should ask* в предложениях *I thought I should ask him; If I saw him, I should ask him* и *You should asked him* — три разных слова. У первого — значения изъявительного наклонения, первого лица и относительного следования, у второго — значения сослагательного наклонения и первого лица, а у третьего нет значения.

II. Для экономии места мы вместо *were BE-* или *am BE-* будем писать просто *were, am* и т. п.

¹ Language, 1963, p. 221.

² «Вестник Харьковского университета», серия иностранных языков, вып. 2, Харьков, 1969.

Для описания и анализа мы возьмем достаточно типичную глагольную лексему, представленную в словаре словом *ask*. В приводимой ниже таблице даны слова этой лексемы, их грамматические значения, состав грамматических морфем каждого слова и их граммы, так что можно будет сопоставить словесные и морфемные граммы каждого слова данной лексемы.

Несложные подсчеты показывают, что приведенные в таблице 97 слов глагольной лексемы *ask* содержат 317 грамматических морфем или, в среднем, 3,3 морфемы на слово. Среди них причастие II не имеет ни одной грамматической морфемы. Остальные слова по количеству содержащихся в них грамматических морфем распределяются так:

с одной грамматической морфемой	— 6 слов,
с двумя грамматическими морфемами	— 17 „
с тремя „ „	— 27 „
с четырьмя „ „	— 34 „
с пятью „ „	— 12 „

Объем словесных граммем изменяется, если не считать причастия II, в диапазоне от 2 до 7 грамматических значений.

Граммем с двумя значениями	— 12,
тремя	— 8,
четырьмя	— 13,
пятью	— 16,
шестью	— 25,
семью	— 27.

Всего грамматических значений в анализируемых 97 словах 384, т. е. в среднем по 5 грамматических значений на слово.

Ниже приводим состав грамматических морфем, содержащихся в указанных 97 словах лексемы *ask*. Рубрикация остается прежней, за исключением колонок 21 и 22. В колонке 21 будет дан объем морфемной граммы, а в колонке 22 — количество слов (из 97), в которых встречается данная грамма и, соответственно, морфема.

Как видим, если не считать единственной шестизначной (нулевой) морфемы, объем морфемных граммем изменяется в диапазоне от 1 до 4 грамматических значений.

Граммем с одним значением	— 13,
двумя значениями	— 10,
тремя	— 8,
четырьмя	— 4.

Однако, с учетом частотности, удельный вес однозначных морфем резко возрастает. Как уже говорилось, в 97 словах лексемы *ask* содержится 317 грамматических морфем, из них 207 однозначных (65,3%), 68 двузначных (21,5%), 29 трехзначных (9,1%), 12 четырехзначных (3,8%) и 1 шестизначная (0,3%).

Обращает на себя внимание множество нулевых морфем: 16 из 36 (44,4%). Но у существительных удельный вес нулевых морфем еще выше: 3 из 6 (50%). Кроме того, у глагола этот процент падает с учетом частотности: из 317 морфем только 90 нулевых (28,4%).

Хотя проанализированная выше глагольная лексема *ask* достаточно типична, она не представляет всего английского глагола. Ведь есть такие глаголы, как, скажем, *sit*, у которых нейтрализованы залоговые значения, или такие как *know*, с нейтрализованными видовыми значениями, или такие как *can*, не содержащие многих грамматических значений,

[illegible]

имеющихся у ask. Естественно, у этих глаголов структура грамем беднее. Но мы, к сожалению, исчерпали уже предоставленное нам место в этом сборнике и не можем останавливаться ни на этих глаголах, ни на других частях речи английского языка.

Представляется уместным закончить статью уже высказанным утверждением, что грамматика начинается (по крайней мере, во флективных языках) не на уровне слова, а на уровне морфемы. Больше того, на этом уровне грамматика предстает как бы в чистом виде, отделенная от лексики. Проведенный анализ показывает, как сложен морфемный состав слова даже в таком, казалось бы, морфологически бедном языке, как английский. Несколько неожиданным оказывается обилие грамматических морфем в одном слове (в среднем 3,3) с преобладанием однозначных, что принято считать характерным для агглютинативных языков.

Нам остается только сказать, что морфематика — сложный раздел грамматики, разработка которого еще даже не начата. Ведь помимо проблем, связанных с выделением и классификацией грамем (и морфем), мало изучена их сочетаемость и взаимоотношения языковых инвариантов с речевыми вариантами. Мы можем лишь надеяться, что эта статья привлечет внимание лингвистов к морфематике.

ВВОДНАЯ ФУНКЦИЯ ОБОСОБЛЕННЫХ ИНФИНИТИВНЫХ И ПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

М. Б. Шварц

Данная статья посвящается малоизученному вопросу синонимии вводного инфинитивного оборота с *um...zu*. Об этом обороте мы находим в лингвистической литературе лишь отдельные замечания. Е. И. Шендельс¹ называет такой оборот абсолютным инфинитивом с условным значением. Бринкман² считает такое употребление инфинитивного оборота особым случаем, когда говорящий в инфинитивном обороте выражает отношение к собственному высказыванию, заключает в нем цель своей речи. Герансон³ называет такие инфинитивные обороты вводными, которые употребляются, когда говорящий хочет дать обоснование для своего высказывания, смягчает высказывание, или, отклонившись от основной мысли, возвращается к ней.

Л. М. Каннер⁴ отмечает, что подобные инфинитивные обороты являются изолированными, относящимися ко всему предложению в целом и что в их составе употребляются глаголы говорения, мнения, внутреннего действия. Л. М. Каннер вполне правомерно называет эти обороты вводными модальными оборотами. Е. И. Шендельс считает вводные инфинитивные обороты устойчивыми сочетаниями. Факты современного немецкого языка свидетельствуют о том, что это замечание справедливо лишь для таких оборотов, как: *um die Wahrheit zu sagen*⁵, *um kurz zu sein (zu sagen)*, *um offen zu sagen (zu sein)*.

Однако в тех случаях, когда содержание оборота, его лексическое наполнение относится лишь к данному конкретному высказыванию и не может быть понято без него, а также не может быть в таком составе отнесено к другому высказыванию, инфинитивный оборот не представляет собой устойчивого словосочетания. Например:

1. Willst du nun, um wieder Eduards Barockprosa zu kopieren, siedendes Öl in die noch nicht verheilten Wunden gießen und mir dasselbe noch einmal vormachen? (Obel. 161).

¹ Е. И. Шендельс. Грамматика немецкого языка. М., 1952, стр. 175.

² Н. Brinkmann. Die deutsche Sprache. Düsseldorf. 1962, B. I, стр. 306.

³ С. Е. Göransson. Die doppelpräpositionalen Infinitive im Deutschen. «Göteborgs Hogskolas ARsskrift». B. XVII. Göteborg, 1911, стр. 89—90.

⁴ Л. М. Каннер. Обособленные инфинитивные обороты в современном немецком языке. — «Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. Герцена», т. 255, Л., 1963, стр. 55.

⁵ Этот оборот зарегистрирован в словаре. См. Немецко-русский словарь под ред. И. В. Рахманова. М., 1956.

2. Nun heute war er völlig reizlos, um nicht zu sagen öde und langweilig. (Ttz. 93).

В обоих предложениях инфинитивные конструкции с *um ... zu* являются вводными оборотами и не являются членами предложения. Они не соотносятся с каким-либо одним словом в предложении, — в них выражено отношение говорящего к своему высказыванию в целом. Так, в первом предложении оборот *um wieder Eduards Barockprosa zu kopieren* смягчает напыщенность слов говорящего, последний как бы извиняется за стиль своего высказывания, давая слушателю понять, что это не его обычный стиль, что так имеет обыкновение высказываться не он. Во втором же предложении автор смягчает характеристику действующего лица, употребляя слово *reizlos*, но тут же оговаривается, что можно было бы высказаться более резко, поэтому слова *öde und langweilig* помещены в инфинитивной конструкции *um nicht zu sagen öde und langweilig*.

Так как вводные инфинитивные обороты употребляются, главным образом, в прямой или несобственно прямой речи и относятся к высказыванию в целом, то естественно, что в их составе употребляются, как правило, глаголы говорения, мнения, внутреннего действия.

Следует отметить, что вместо глагола говорения зачастую употребляется глагол *sein*, и обороты типа *um offen zu sein (sagen)*, *um kurz zu sein (sagen)* имеют множество вариантов, в которых либо слова, составляющие инфинитивные обороты, являются синонимами, либо в состав оборота вставлены слова-усилители. Например:

1. Um ganz offen zu sein, begann Rumpf in deutscher Sprache... (Ttz. 423).

2. ...Man darf selbstverständlich nicht erst warten, bis alle einflußreichen Positionen, um ganz offen zu reden, in anderen Händen sind! (Ttz. 47).

3. Um es ganz offen heraus zu sagen, er baute ein Warenhaus. (K. An. 132).

4. ...aber ganz tief in seinem Herzen hegte er eine leise Hoffnung, um aufrichtig zu sein. (K. An. 182).

5. Er hatte diese Probe nicht bestanden, um ehrlich zu sein. (9. Nov. 353).

6. Auch Marier begann sie zu langweilen, um ganz ehrlich zu sein. (K. An. 244).

7. Er halte es ganz einfach nicht mehr zu Hause aus, um ohne alle Umschweife zu sprechen... (Ttz. 485).

Вводный инфинитивный оборот с *um ... zu* может стоять, как видно из приведенных выше примеров, в препозиции, интерпозиции и постпозиции по отношению ко всему предложению, это зависит от коммуникативной установки, от того, хочет ли говорящий смягчить высказывание или обосновать какое-то свое высказывание заранее, до того, как он его произнесет, или после сказанного, либо считает нужным прервать его для смягчения своих слов.

В вводных инфинитивных конструкциях могут сочетаться разные оттенки значений, таких, как, например, значение условия, цели, долженствования. Так, в предложении: *Er hatte diese Probe nicht bestanden, um ehrlich zu sein*, признаваясь в том, что он не выдержал испытания, говорящий сделал усилие над собой — это можно выразить простым предложением: *Man muß ehrlich sein*; с другой стороны, он, видимо, считал, что такое признание следует сделать при условии, что он хочет быть честным, — это можно выразить вводным предложением с союзом *wenn*: *Wenn man ehrlich sein will*; целевой оттенок наиболее четко выражен конструкцией с *um ... zu*. Если в инфинитивном обороте назван-

ные выше оттенки могут сочетаться, то в синонимах оборота явственно выступает одно из этих значений.

Сравните приведенные выше предложения с вводными оборотами и следующие примеры, в которых употреблены конструкции, синонимичные инфинитивному обороту:

1. Aber, wenn ich ehrlich sein soll, ...ich bin schließlich Associé. (T. Mann. 15).

2. Viele Hauptleute und Majore hatten, es sei offen gesagt, dicke Bäuche, als saßen sie noch immer in der Etappe in Frankreich. (Ttz. 112).

3. In ihrer Nähe hatte er auch keine schmutzigen Phantasien im Kopfe, man muß gerecht sein. (K. An. 1717).

4. Sie richtete «Amsel» mit den herrlichen alten Möbeln und Teppichen sehr geschmackvoll ein, wie man offen zugeben mußte. (Ttz. 478).

В первом примере, благодаря союзу *wenn*, подчеркнуто значение условия и, кроме того, полная предикативность вводного предложения *wenn ich ehrlich sein soll* позволяет более полно выразить такие модальные оттенки значений, как желание и долженствование (*soll*). Значение необходимости особенно категорично выражено во втором и в третьем примерах, где оно подчеркнуто формой императива: *Es sei offen gesagt* и модальным глаголом *müssen*: *man muß gerecht sein*.

В четвертом примере значение долженствования, выраженное глаголом *müssen*, несколько ослаблено, смягчено благодаря союзу *wie*: *wie man offen zugeben mußte*.

Целевой оттенок значения особенно подчеркнут, когда в вводной конструкции названо лицо, которому адресовано замечание по поводу сказанного. В таких случаях употребляется вводное предложение с целевым союзом *damit*. Например:

1. Damit Sie mich richtig verstehen: ich bin ein Gegner der Handlungsnormen. (Holt. I. 327).

2. Wolzow sagte finster: «Es war das letztemal, daß ich mich hab' beim Wort nehmen lassen, damit du's weißt. (Holt. I. 464). В вводных предложениях *damit Sie mich richtig verstehen*, *damit du's weißt*, кроме целевого значения, содержат также такие оттенки значения, как желание, чтобы собеседник правильно понял или знал сообщаемое ему (*ich will, daß Sie mich richtig verstehen, daß du's weißt usw*); побуждение, адресованное собеседнику: *verstehen Sie mich richtig, wisse* и т. д. Вводные предложения такого типа не могут быть заменены инфинитивным вводным оборотом, так как в последнем нет средств для выражения лица, которому адресованы замечания по поводу сказанного, — в вводном предложении с союзом *damit* это — подлежащее.

Следует отметить, что наиболее близким синонимом вводного инфинитивного оборота с *im ... zu* по характеру выражаемых им значений является причастный оборот с *Partizip II* в качестве стержневого слова, как структура того же грамматического уровня, что и инфинитивный оборот.

Сравните следующие предложения с вводными причастными оборотами и проанализированные выше предложения с вводными инфинитивными конструкциями:

1. Offen gestanden, Ihre Einstellung überrascht mich. (Holt. 11. 226).

2. Berlin ist die häßlichste Großstadt der Welt, ganz offen gestanden. (9. Nov. 328).

3. Er hatte es, offen gesagt, für unmöglich gehalten. (9. Nov. 159).

4. Es handelte sich, kurz gesagt, darum, die geistigen und seelischen Kräfte der Stadt zu wecken. (Ttz. 94).

5. Ich habe mich nämlich heute entschlossen, vor einigen Stunden, genau gesagt. (Ttz. 35).

6. Ganz nebenbei bemerkt, hatte er auch Wolfgang Fabians Narzißbrunnen der Stadt gestiftet. (Ttz. 63).

Мы видим, что среди причастных оборотов, как и среди инфинитивных конструкций имеют место варианты.

Различия между этими синонимичными конструкциями заключаются в том, что в инфинитивной конструкции с *um ... zu* ярче выражена целевая направленность высказывания, в причастном же обороте значение цели ослаблено. Кроме того, среди вводных инфинитивных конструкций наблюдается большее разнообразие, и не всегда их можно трансформировать в причастный оборот. Так, инфинитивные конструкции, в которых стержневым словом является глагол *sein* (*um aufrichtig zu sein*, *um ehrlich zu sein*), не представляется возможным трансформировать в причастный оборот из-за неупотребительности *Partizip II* от глагола *sein*. В предложениях, где вводная конструкция смягчает высказывание, мы также встречаем инфинитивный оборот. Например:

1. Am auffallendsten aber war ihre schroffe Kälte, um es nicht Härte zu nennen. (Fr. Gr. 15).

2. ...damit hatte die Animosität, um nicht zu sagen Feindschaft, ihren Anfang genommen. (9. Nov. 14).

3. Nun heute war er völlig reizlos, um nicht zu sagen öde und langweilig. (Ttz. 93).

Причастный оборот, более категорично выражающий отношение говорящего к высказыванию, в таких случаях не встречается.

Вводный инфинитивный оборот и его синонимы — структуры эмоционально окрашенные и встречаются поэтому в прямой и несобственно прямой речи. Они отсутствуют в технической литературе.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. Obel. — E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk. Aufbau—Verlag. Berlin. 1957.
2. Ttz. — B. Kellermann. Der Totentanz. Aufbau—Verlag. Berlin. 1964.
3. K. An. — B. Kellermann. Die Stadt Anatot. Verlag Volk und Welt. Berlin. 1955.
4. 9. Nov. — B. Kellermann. Der 9. November. Verlag für fremdsprachliche Literatur. M., 1954.
5. T. Mann. — Th. Mann. Buddenbrooks. Verlag für fremdsprachliche Literatur. M., 1956.
6. Holt. I. — D. Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Bd. I. Aufbau—Verlag. Berlin. 1962.
7. Holt. II. — D. Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Bd. II. Aufbau—Verlag. Berlin. 1962.
8. Fr. Gr. — Fr. Grillparzer. Das Kloster bei Sandomir. Verlag Reclam. Leipzig. 1957.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Б. Андрѳнова. К проблеме морфемы	3
Е. И. Бейдер. Опыт обучения иностранному языку методом задач	7
А. С. Вольф. Концепция человека в ранних романах Фейхтвангера	12
Л. А. Воронина. Существительные типа sit-down, teach-in в современном английском языке	15
Л. С. Гринберг, А. В. Овденко. К стилистической классификации английской разговорной лексики	19
А. И. Дородных. О некоторых нестабильных структурах современного английского языка	24
Г. В. Ейгер, В. Л. Юхт. Некоторые аспекты изучения отмеченности предложений	27
А. С. Калиниченко. О некоторых основных принципах построения иноязычных упражнений	30
О. П. Кулиш. Об инфинитивном вопросе	36
К. И. Ланецкая. К вопросу о длительности гласных немецкого языка в эмоциональной речи	40
Е. Д. Маневская. Наследственность грамматических свойств и ее реализация в современном английском языке	45
Л. Н. Прудников. Использование последовательного подчинения в различных стилистических разновидностях английского языка	48
Б. И. Роговская. Об аналитических упражнениях по грамматике английского языка	52
Ю. М. Ткаченко. Основные типы глагольных конструкций в современном английском языке	56
Б. С. Хаймович. Морфематика английского языка	62
М. Б. Шварц. Вводная функция обособленных инфинитивных и причастных оборотов в современном немецком языке	91

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия иностранных языков

Выпуск 3

Редактор *С. Д. Цай*
Техредактор *Л. Т. Момот*
Корректор *Р. Е. Дорф*

Сдано в набор 25/IV 1969 г. Подписано к печати 14/XI 1969 г. БЦ 50318. Формат
70×108¹/₁₆. Объем: 6 физ. печ. л., 8,4 усл. печ. л., 7,9 уч.-изд. л.
Заказ 856. Тираж 500. Цена 79 коп.

Харьковская типография № 16 Областного управления по печати.
Харьков, Университетская, 16.

